
Сыщик
с кружевным платочком
Аманда Эшби
УЮТНЫЙ ДЕТЕКТИВ
Пришел в гости — нашел кости

Клубок смертей. Уютный детектив

Аманда Эшби

Сыщик с кружевным платочком

«О2»
2025

Эшби А.

Сыщик с кружевным платочком / А. Эшби — «О2», 2025 — (Клубок смертей. Уютный детектив)

ISBN 978-5-353-12225-8

ДОСТАНЬТЕ ЛЕТНЕЕ ПЛАТЬЕ, НАКРОЙТЕ ПРАЗДНИЧНЫЙ СТОЛ И ПРИГОТОВЬТЕСЬ К РАССЛЕДОВАНИЮ. ВАС ЖДЕТ СВАДЬБА И ЧЕРЕП В ПРИДАЧУ. Прекрасный июльский день, легкий ветерок, украшенная цветами часовня… Но это явно худшее торжество в жизни Джинни Коул. Свадьба сорвана ужасной находкой: в парке возле часовни обнаружили… человеческий череп! Джинни подозревает, что свадьбу сорвали намеренно. Вместе со своими верными подругами по расследованию убийств – Джей-Эм, Мелочью и Наседкой – она решает выяснить, кому так сильно не нравится этот брак. Полиции нет никакого дела до старого черепа, так что у веселой компании развязаны руки. Но пока они распутывают семейные дрязги и перетряхивают давние деревенские обиды, случается кое-что пострашнее – находят свежий труп. Успеют ли неугомонные подруги раскрыть коварный заговор, пока одна из них сама не пополнит список местных жертв?

ISBN 978-5-353-12225-8

© Эшби А., 2025
© О2, 2025

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 11
Глава третья 17
Глава четвертая 22
Глава пятая 25
Глава шестая 31
Глава седьмая 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Аманда Эшби
Сыщик с кружевным платочком

Copyright © Amanda Ashby, 2025
© ООО «РОСМЭН», 2026

В серии «Клубок смертей. Уютный детектив» вышли книги:
1. Смерть в вязаных носочках
2. Убийца в домашних тапочках
3. Сыщик с кружевным платочком

Глава первая
Суббота, двадцать шестое июля

День был просто создан для свадьбы. На синем небе ни облачка, кустики лаванды и розмарина, росшие вокруг капеллы из песчаника, шелестели под легким бризом, а тис бросал тень на траву, давая гостям укрытие от солнца; мимо лениво проплывали пчелы. Короче говоря, за такой июльский день любая невеста убить готова.

Если бы гости, собравшиеся на свадьбу, не сцепились не на жизнь, а на смерть.

Джинни Коул поморщилась: пока главный свидетель жениха и главная подружка невесты кричали друг на друга через ворота парка при церкви, Колин, джек-рассел, он же – подноситель колец, подкопал очередной розовый куст в церковном розарии и удалился в сторонку. Деревянные лавки, предназначенные для того, чтобы люди отдыхали в медитативной тишине, по понятным причинам сегодня пустовали.

– Как ты меня назвал? – надсаживалась подружка невесты.

– Ты слышала, – огрызнулся свидетель со стороны жениха.

Одновременно Колин залаял, и девочка, которая должна была держать букет невесты, тут же зарыдала. Белый с подпалинами пес залаял для ровного счета во второй раз и вернулся к подкапыванию кустов под плач уже второй девочки. Свадебный фотограф, женщина лет тридцати с лишним, в асимметричном черном платье с разрезами и в ботинках на рифленой подошве, стояла в мощенном плиткой дворе; судя по выражению лица, ссора ее не впечатлила. Она, прижимая к уху телефон, объясняла своему невидимому собеседнику, что не подписывалась на балаган, которому конца не предвидится.

Джинни взглянула на церковные двери.

Почему они еще не открыты?

Рядом с ней покусывал губу Коннор Уэст. Длинные темные волосы он зачесал назад, а обычный наряд из джинсов и худи сменил на костюм. Поскольку Джинни недавно исполнился шестьдесят один год, их с девятнадцатилетним Коннором вряд ли можно было считать друзьями, но, проработав с ним одиннадцать месяцев в библиотеке Литтл-Шоу, Джинни привязалась и к нему, и к его семье, а в особенности к его сестре Грейс, страстной читательнице, которая часто появлялась в библиотеке с двумя девочками (в данную минуту обе были с букетами), своими подопечными. И хотя Джинни не ожидала, что ее позовут на помолвку и свадьбу, она с удовольствием приняла приглашение.

Крики становились все громче. Джинни хотелось, чтобы тяжелые дубовые двери открылись и гостей ввели в церковь, в прохладу. Может быть, смена температуры охладит накал страстей?

Трудность заключалась в том, что жених Грейс, Тео Фолкнер, происходил из знаменитых фабрикантов, баронетов Фолкнер – рода, чье богатство и титул не один век переходили по наследству. И если отец Тео был всего лишь достопочтенным младшим сыном, от района на выселках, где росли Коннор и его брат с сестрой, до Фолкнеров все равно было как до луны. Не стоило забывать и о печальной славе Уэстов. Дядя Грейс, Джо, скрывался от закона, но им дело не ограничивалось. У бабушки Грейс, Морин, тоже было яркое прошлое, и хоть она по собственному почину взяла на себя связанные со свадьбой расходы, но прийти отказалась, заявив, что Грейс и Тео в этот великий день меньше всего нуждаются в ее присутствии.

Все осложнялось тем фактом, что Фолкнеры происходили из Уолтон-он-Марш – места, к которому, кажется, все жители Литтл-Шоу питали стойкую неприязнь. Два городка, между

которыми пролегло всего пять миль[1], соперничали не на жизнь, а на смерть во всем, начиная с крикета и заканчивая тем, сколько раз к ним приезжала съемочная группа передачи «Дорогами старины»[2]. И хотя Джинни, переселившаяся сюда не так давно, пока еще не разобралась во всех нюансах этой вражды, она знала, что Коннор старается поддерживать мир между двумя семействами. Особенно после того, как мать Тео настояла на проведении свадебных торжеств в часовне церкви Уолтон-он-Марш, а не на лужайках современного спа Литтл-Шоу – главным образом в пику семье невесты.

– Ты лучше сдай назад, а то пожалеешь! – Голос Нины, главной подружки, стал пронзительным до звона, и Дигби, главный шафер, закатил глаза и издевательски фыркнул:

– Вы мне угрожаете?

Боже мой.

Джинни, обхватив себя за плечи, молча смотрела на Коннора. Вообще говоря, ей лучше удавалось стушевываться, чем разнимать ссоры, но Грейс нравилась ей, и Джинни хотела помочь.

Наверное, лучше она поговорит с Ниной и Дигби, а Коннор пока пусть займется собакой. Коннор, понимающе кивнув, удалился, и Джинни двинулась к воротам кладбища.

Она с опаской положила руку на покрытое ядреным загаром плечо главной подружки.

– Идемте к остальным, нам скоро заходить. Грейс будет с минуты на минуту.

– А вот Барон фон Баран считает, что у меня платье слишком короткое и что лучше бы я шла домой. – Нина сжала губы; она и не думала двигаться с места.

Джинни со вздохом убрала руку, и ей стало неприятно: пальцы оказались перепачканы оранжево-коричневым.

– Я сказал, что оно слишком короткое и *слишком в обтяжку,* – уточнил Дигби – молодой человек с резкими чертами лица. Темные волосы его падали на бровь, а аристократический выговор вступал в резкий контраст с ланкаширской картавостью Нины. – Это же церковь, а не танцульки в ночном клубе.

– Вот и хорошо, а то на танцульки тебя охранник бы не пустил, с такой-то стрижкой, – отбрила Нина, но Джинни заметила, что на глазах у девушки выступили слезы. Нина высказывалась в полный голос, и все оборачивались поглазеть на них; по толпе ожидающих гостей пополз шепоток.

«Это все проклятие».

Джинни поморщилась. Как только стало известно о помолвке Грейс, весь Литтл-Шоу только и говорил, что о проклятии, которое постигнет каждого, кто попытается пересечь границы городка. Разговоры сопровождались перечислением тех, кто пытался нарушить запрет и тем навлек на себя кару, начиная с несчастного, который сорок лет назад отправился за капустой и не вернулся, и заканчивая трагической историей любви, по сравнению с которой война Алой и Белой Розы казалась детским утренником.

Судя по суровым лицам родственников жениха, стоявших в тени шпиля, они воспринимали историю о проклятии с той же серьезностью, что и жители Литтл-Шоу. А может быть, просто считали общение с Уэстами ниже своего достоинства.

Однако причин для грубости у главного шафера все равно не было.

– Прошу прощения, но вам следует извиниться перед Ниной, – сказала Джинни. Да, она терпеть не могла конфликтов, но и несправедливости не выносила.

– Извиниться? – бросил Дигби и выкатил грудь.

---

[1] 1 миля = 1,6 км.

[2] «Дорогами старины» (англ. *Antiques Roadshow*) выходит с 1979 года. Посвящена оценке антиквариата в разных регионах Англии.

– Да. Представьте себе, что кто-нибудь сказал бы что-то подобное вашей матери или сестре. – Джинни отказывалась тушеваться под его грозным взглядом.

Ситуация была патовой. Наконец Дигби опустил плечи, с явной неохотой признавая себя побежденным.

– Ладно. Прошу прощения за то, что отпустил замечание насчет вашего платья, – пробормотал Дигби.

Нина открыла было рот, но Джинни покачала головой и беззвучно произнесла: «Подумай о Грейс».

Она добилась желаемого результата: Нина фыркнула напоследок и отошла. Эффект был несколько смазан из-за того, что ее высокие серебристые каблуки вязли в свежескошенной траве. Нина остановилась возле матери Коннора, которая, сжимая огромную лавандовую шляпу, громко повествовала о том, в какую сумму влетел торжественный завтрак.

– Я не собирался закатывать скандал, – сказал Дигби, все еще кипя. – Они, может быть, по-своему вполне благопристойные люди. Но если закрыть глаза на проклятие… Тео – Фолкнер, мы с ним почти как братья. Смотреть не могу, он же себе жизнь сломает. А ведь мог бы… – Дигби замолчал: рядом с ними материализовался Коннор, державший в руках перепачканного пса.

Джинни не знала, слышал Коннор слова Дигби или нет, но если и слышал, то не подал виду, а просто сунул Колина шаферу.

– Держите. Отнесите его миссис Фолкнер, пока он не разрыл весь розарий.

– Он хоть чужие деньги не пытается нарыть, – съязвил Дигби; он, кажется, снова впал в невоспитанность.

Дигби взглянул на Нину, которая лила в себя игристое вино прямо из бутылки, схватил извивавшегося пса и удалился туда, где сгрудились Фолкнеры.

Большинство из них были в черном, а скорбные лица больше приличествовали похоронам, чем свадьбе. Фолкнеры являли собой разительный контраст со списком гостей со стороны Грейс: все при каблуках и шляпках, словно собрались на скачки, и полны радостного предвкушения.

Дигби встал рядом с тоненькой, очень просто подстриженной девушкой лет двадцати пяти. На ней, в отличие от окружавших ее представителей клана, было кроваво-красное платье, подчеркивавшее стройную фигуру, однако лицо отчасти скрывала черная вуаль. Наряд производил впечатление, но отнюдь не праздничное.

Джинни тихо порадовалась, что ее собственное бракосочетание принесло куда меньше напряжения. Они с Эриком расписались в бюро регистраций, единственными свидетелями стали служащие бюро. А потом были тридцать пять лет счастья, которые оборвались восемнадцать месяцев назад со смертью Эрика.

«Перестань», – мягко одернула себя Джинни, прогоняя знакомое горе. Оно все еще иногда настигало ее, но уже не обрушивалось всей тяжестью, как когда-то. Преодолеть его Джинни помогли ее друзья из Литтл-Шоу, и сейчас она училась получать удовольствие от новой жизни, которую себе раньше даже не представляла.

– Времени всего одиннадцать утра, а я уже выдохся. – Коннор пятерней взъерошил темные волосы, и его прическа приобрела свой обычный вид. Потом он оглядел костюм и поморщился: ткань была усеяна собачьей шерстью. Коннор застонал. – Выдохся и весь в шерсти.

– Хотя бы здесь я могу помочь. – Джинни достала из сумочки небольшой ролик-липучку. Она приучилась носить его с тех пор, как ее удочерил кот. – Вытяни руки.

– Спасибо. – Коннор повиновался.

Джинни начала снимать самые неприятные ворсинки, но за спиной послышался тихий стон.

Они обернулись и увидели, как девушка в красном сжимает руку жениха.

Двадцатисемилетний Тео Фолкнер, обладатель волевого подбородка и копны темных волос, падающих на такие же темные брови, явно чувствовал себя очень неловко.

– Прошу тебя, Тео, не надо. Еще не поздно! – воскликнула девушка в красном и обернулась к шаферу. – Скажи ему, Дигби. Скажи, какую ошибку он совершает.

– Так, в чем дело? – с ходу ворвалась в разговор Нина – она так и не сдвинулась с места.

Брат Коннора Джейк, который все утро не отрывался от телефона, внезапно поднял вспыхнувшие глаза и стал разминать кулаки с костяшками в шрамах. Джинни слишком хорошо его знала и понимала, что у парня на уме.

Боже мой.

Коннор стиснул зубы – его явно тревожило, что могут учинить его не в меру темпераментный брат или Нина. Но предпринять они ничего не успели: Тео тихо сказал что-то девушке в красном и отступил, оставив ее на попечение Дигби. Через несколько минут тяжелые дубовые двери со скрипом растворились, и появились двое шаферов с торжественными лицами.

– Нас спасли двери. – Коннор утер лоб. Друзья и родственники жениха входили в церковь. – Все могло кончиться плохо.

– Ты знаешь, кто это? – спросила Джинни. Желудок свело от тяжелого чувства: девушка уже плакала, Дигби вел ее в церковь.

– Ага. Его сестра, Джасинта Тикстон. Я с ней незнаком, но знаю, что из-за нее разгорелась еще одна ссора, потому что она еще и бывшая девушка Тео.

Джинни чуть не ахнула. Зачем Тео пригласил свою бывшую девушку на свадьбу? Хотя теперь понятно, почему Дигби так напустился на Нину и оборвал разговор. Как он там говорил?

Смотреть не могу, он же себе жизнь сломает. А ведь мог бы…

– Грейс знает, что она здесь?

– Знает, – кивнул Коннор. – Они дружат семьями. Вон родители.

– Грейс, наверное, очень неуютно. – Джинни проследила за взглядом Коннора: великолепно одетая чета спешила в церковь следом за безутешной дочерью. Оба супруга хмурились. Может, они тоже надеялись, что Джасинта выйдет замуж за Тео?

– Мама с бабулей чуть не взорвались, но Грейс не хотела никого огорчать, – сказал Коннор, хотя по тому, как он хмурился, было ясно: идея сестры ему не нравится.

Джинни, сама не любившая спорить с людьми, могла представить себе нежелание Грейс идти против матери Тео, но все же вряд ли какую-нибудь невесту обрадовало бы, если бы за ее свадьбой наблюдала бывшая подружка жениха.

– Надеюсь, она ничего не устроит во время венчания.

– Я тоже. Может, оно и к лучшему, что бабуля отказалась прийти. Она еще несдержаннее, чем Джейк.

Джинни все еще жалела, что матриарх Уэстов не присутствует на свадьбе, однако не могла не согласиться с Коннором.

– Ждать уже недолго, – подбодрила она его.

– Спасибо, миссис Си, – сказал Коннор, и тут к церкви подкатил белый лимузин.

Джинни еще несколько раз провела липучкой по пиджаку Коннора, чтобы снять шерстинки.

– Ну вот. – Она поцеловала его в щеку.

Из лимузина вылезла мягко улыбавшаяся Грейс в платье цвета слоновой кости с простой прямой юбкой и глубоким овальным вырезом, который идеально сочетался с ее длинными каштановыми волосами. Она была одного роста с Коннором, а большие глаза придавали ей сходство с испуганным оленем. Девушка явно нервничала, но Джинни не могла понять почему. То ли у Грейс возникли сомнения в правильности принятого решения, то ли ее и правда беспокоило проклятие.

Но когда новобрачные скажут «да», все разговоры о проклятии, а также бывшие в красных платьях останутся позади. Во всяком случае, Джинни на это надеялась.

Она прошла мимо фотографа, которая, судя по всему, решила остаться. Женщина поглядела поверх треноги и помахала невесте.

– Отлично, Грейс. Только чуть опустите голову и включите энергетику принцессы Ди.

– Принцессы Ди? – Коннор поднял глаза и нахмурился, и даже Грейс моргнула.

– Я создаю нарратив о девушке скромного происхождения, которая выходит замуж за аристократа, – пояснила фотограф, и тут мимо пронесся, едва не опрокинув треногу, маленький мохнатый комок. – Это еще что?

Колин, не обращая внимания ни на фотографа, ни на пошатнувшуюся треногу, вприпрыжку понесся к Грейс и Коннору. Мохнатая белая морда была перепачкана землей. В зубах пес сжимал что-то круглое и белое.

Мяч?

– Стой! – Из-за угла церкви показался Дигби. Он запыхался, костюм-тройка был весь в грязи. – Да стой же ты!

Колин, кажется, внезапно понял, что значит «стой», и резко затормозил у ног Грейс. Потянувшись вперед, он выпустил мяч из пасти, причем запачкал грязной шерстью подол белого платья.

Джинни тихо вскрикнула и зашарила в поисках своей липучки. С чего Дигби пришло в голову поиграть с собакой перед самым венчанием? И почему они с Коннором словно приросли к месту?

Джинни двинулась к ним, и тут фотограф пронзительно завизжала:

– Это проклятие! *Проклятие!* Я знала, что так будет. Мне же говорили: не работай с детьми, животными и жителями Литтл-Шоу. И вот доказательство.

Колин залаял, соглашаясь с ней, а Джинни уставилась на предмет, лежавший у ног Грейс. *Нет!* Горло перехватило от ужаса. Перед ней был совсем не мяч.

Перед ней лежал человеческий череп.

Глава вторая
Суббота, двадцать шестое июля

– Грейс моментально переключилась в режим «няня».

Коннор скользнул на деревянную церковную скамью и кивнул на сестру, которая как раз убеждала отчаянно рыдавшую мать снять громадную шляпу и в то же время цепко держала за руку Джейка, не давая ему набить морду первому подвернувшемуся.

Волосы Грейс были стянуты в практичный пучок, а великолепное свадебное платье цвета слоновой кости скрывал пиджак Тео. Теперь ее наряд резко контрастировал с торжественным убранством церкви, с эвкалиптовыми ветвями на спинках скамей и большими вазонами, полными белых роз, пионов и георгинов.

При мысли о том, какой мрачной историей обернулось венчание, у Джинни разрывалось сердце. Полчаса назад приехала полиция, у Дигби взяли показания, а потом всех загнали в церковь, и эксперты-криминалисты принялись прочесывать место преступления – сад при церкви, где обнаружился череп. В церкви повисло тяжелое напряжение: Уэсты заняли одну ее часть, Фолкнеры – другую.

Джейк, Грейс и мать Коннора – Донна – истерически всхлипывали, а Джейк еще и взрыкивал.

У алтаря сердито хмурились священник, свадебный фотограф и изящная дама с высоким пышным начесом. Словно ощутив совокупный жар их пристальных взглядов, Донна зарыдала еще громче.

– Боже мой! Вы не могли бы хоть немного соблюдать приличия? – резко сказала Аннабел Фолкнер. Спокойную доброжелательность Тео унаследовал явно не от матери. Худое длинное лицо с большими синими глазами обрамляли прямые каштановые волосы. Алели сжатые в куриную гузку губы, намазанные красной помадой. – Устроили истерику.

– Кто бы говорил, – рявкнул Джейк и сжал кулаки. – Не понимаю, почему вы на нас так смотрите. Весь бардак из-за вашей собаки.

– Не смейте винить Колина! – взвилась Аннабел, и на ее щеках пробились два ярких пятна.

Она сунулась было в проход, но путь ей преградила крепко сбитая женщина лет шестидесяти, которая говорила о чем-то с изможденным мужчиной в кресле-каталке.

Платье женщины было сшито из бледно-абрикосовой тафты и словно явилось сюда прямиком из восьмидесятых. Ему было далеко до безукоризненного наряда Аннабел Фолкнер, однако присутствие женщины оказало на мать жениха успокаивающее действие. Она опустила голову и дала усадить себя на скамью. Вскоре к ней присоединился рыскавший где-то Колин.

При виде этой сцены Джинни нахмурилась и повернулась к Коннору.

– Откуда Джейк знал, чья это собака?

– А у них насчет собак тоже специальная договоренность. – Коннор вздохнул. – Джейк хотел привести свою, но миссис Фолкнер заявила, что по семейной традиции кольца приносит собака Фолкнеров, а Колин может не сойтись характером с другим псом.

– Какая своеобразная семейная традиция.

Джинни нахмурилась. Колин вовсе не показался ей склонным драться за территорию. Но если он *и правда* такой… то зачем приводить его в переполненную церковь?

Она прерывисто вздохнула, стараясь не спешить с выводами. Джинни не любила думать о людях плохо, но, учитывая отношение семьи и друзей Тео к свадьбе, трудно было удержаться от вопроса, почему череп нашелся именно сейчас.

Может, кто-нибудь специально подкинул его Колину?

Джинни внимательно всмотрелась в главного шафера, который сидел в конце скамьи, сложив руки на груди. Когда Колин нашел череп, Дигби был возле церкви. Совпадение? Или он привел сюда собаку, чтобы сорвать свадьбу? Рядом с ним, тихо переговариваясь, сидели его родители, а Джасинта не отрывала глаз от телефона. Густая вуаль не могла скрыть ее улыбки.

Она явно радуется произошедшему. Джинни вздрогнула.

– Моя бедная девочка, – прорыдала Донна, чем заслужила очередной яростный взгляд Аннабел Фолкнер.

Коннор, сидевший рядом с Джинни, передернулся.

– Никогда не думал, что буду скучать по Уоллесу. Чем дольше мы тут сидим, тем хуже для нас.

Джинни не разделяла его чувств. Она уже дважды оказывалась невольно втянутой в расследование убийства, и ей категорически не хотелось, чтобы вспыльчивый, хотя и блестящий следователь Джеймс Уоллес снова обнаружил ее на месте преступления.

К счастью, Уоллес, который еще и жил по соседству с Джинни, на три недели улетел с отцом в Новую Зеландию, увидеться с друзьями и посмотреть регби. А это значит, что нотация Джинни не грозит. К тому же не стоит накручивать себя.

В конце концов, случившееся не имеет к ней отношения. Пусть полиция разбирается.

Словно услышав ее мысли, дубовые двери открылись, и появились двое полицейских в форме. За ними следовала высокая широкоплечая блондинка лет сорока с небольшим. Синий брючный костюм выглядел слишком плотным для этого времени года. Однако, несмотря на наряд, блондинка излучала ледяную уверенность, отчего Джинни заподозрила, что перед ней руководительница следственной группы.

Блондинка, проигнорировав левую сторону церкви, направилась к Аннабел Фолкнер и женщине в абрикосовой тафте. К ним присоединился Тео, и они о чем-то зашептались. Через несколько минут Аннабел величавым жестом подозвала высокого мускулистого мужчину, похожего на отставного спортсмена. Волевой подбородок и густые темные волосы позволяли предположить, что это отец Тео.

Мужчина направился к Аннабел, и оба скрылись за дверью. За ними, как за дудкой Крысолова, живо последовали все, кто сидел по левую сторону прохода, включая женщину в абрикосовом, которая покатила сидевшего в кресле мужчину по проходу.

– Это еще что? Куда они уходят? – Донна Уэст даже перестала плакать и теперь не сводила взгляда со следовательницы, но та просто присоединилась к уходящим, и из Фолкнеров в церкви остался только Тео, который, с тревогой в глазах, обнял Грейс за плечи и зашептал что-то ей на ухо.

Та прижалась к его плечу, словно ища поддержки, а потом кивнула. Тео поцеловал ее в губы и заговорил, обращаясь к оставшимся гостям:

– Мой дядя неважно себя чувствует, поэтому инспектор Стерлинг решила, что нам лучше разойтись, полицейские возьмут у нас показания дома. Вам просто нужно перед уходом оставить им свои адреса и телефоны.

– Да, только почему первыми ушли *ваши*? – рявкнул Джейк.

– Потому что мы для нее никто. Удивляюсь, как на нас наручники не надели, – резко сказала Донна. – А свадебный завтрак? Это же твоя мать настояла, чтобы он проходил в Готорнхолле, и при этом не удосужилась даже поинтересоваться, что будет с бронированием. Столько продуктов и денег псу под хвост, но ее это, конечно, не заботит.

– Мама. – У Грейс дрогнул голос. – Ну какой завтрак, если свадьбы не было.

– Да ладно тебе. – Нина в знак согласия погладила руку Донны. – Может, мы в последний раз так поедим, если уж эта легавая явилась. Ясно же, что она о нас думает.

– Я уверена, что детектив ничего такого не думает. – Грейс, явно взволнованная, сжала руки. – К тому же Тео прав: сэр Спенсер и правда плохо себя чувствует. Наверное, детектив действительно просто хотела как лучше.

– Да прямо, хотела она. Мы-то здесь при чем? Вот возьмем и поедем в Готорн-холл, – отрезал Джейк.

– Я просто хочу домой, – сказала Грейс, и Донна снова разразилась слезами.

Приунывший Тео пытался утешить невесту и будущую тещу.

– Идемте, идемте. Джейк, может, вы с Коннором поможете остальным?

Джейк с мрачным видом поднялся на ноги и бросил на брата предостерегающий взгляд, после чего повернулся к Джинни.

– Подвезти вас, миссис Си? Бабуля арендовала лимузин на весь день, машина огромная. Или вас заберет Хен?

Хен, или Наседка, была одной из трех женщин, с которыми Джинни сдружилась вскоре после переезда в Литтл-Шоу. После обеда Наседка давала уроки вязания в местном центре ремесел, и Джинни меньше всего хотелось отвлекать ее. К тому же Джинни уже довелось наткнуться на два трупа, и по сравнению с ними одинокий череп, который она созерцала всего несколько секунд, не произвел на нее такого уж сильного впечатления. Хотя думать о нем, конечно, было страшно. Может быть, потому, что Эрик руководил медицинским кабинетом и Джинни много лет водила дружбу с Эллиотом – пластмассовым скелетом, обитавшим в углу мужниной смотровой. Или же потому, что много лет назад она изучала археологию и по виду черепа сумела определить, что находке не один десяток лет.

– Я оставила машину за углом и вполне могу доехать до дома сама, – заверила Джинни молодого человека. – Я могу как-то помочь? Вы уже связались с Готорн-холлом?

Коннор нахмурился и покачал головой.

– Я пытался, но не дозвонился и оставил сообщение. Мама правда с ума сходит из-за того, что еда пропадет. Может, потому, что столько раз отказывалась от еды, чтобы нам хватило.

– Бедная Донна. Неудивительно, что она так расстроилась, – на нее и так столько всего свалилось. – Джинни склонила голову, думая о трудностях, через которые прошла семья Коннора. – Я им позвоню и, если мне не ответят, сама съезжу и объясню. Может, смогу забрать еду в фонд продуктовой помощи, чтобы не пропала.

Лицо Коннора осветилось благодарностью.

– Мама бы одобрила.

– Давай я этим займусь. И постарайся не беспокоиться из-за дачи показаний. Чей бы это череп ни оказался, он не имеет отношения к твоей семье. Или к проклятию.

– Надеюсь, вы правы.

Коннор присоединился к сестре и брату, и втроем они повели все еще рыдавшую Донну из церкви. За ними направились четыре подружки невесты. Дождавшись, когда из церкви выйдут последние гости, Джинни достала телефон и набрала номер Готорн-холла, радуясь, что может хоть немного помочь.

Ее переключили на автоответчик. Нахмурившись, Джинни позвонила еще раз, но теперь ее перевели в режим ожидания: в трубке зазвучала джазовая мелодия. Джинни прослушала ее дважды, а потом в трубке настала тишина. Та же история повторилась и в третий раз.

Придется все-таки ехать.

Сунув телефон в сумку, Джинни тоже вышла из опустевшей церкви на солнечный свет. Пристроив ладонь козырьком, Джинни успела заметить, как удаляется белый лимузин, а остальных гостей повели за ленту полицейского ограждения. У ворот кладбища стояли двое полицейских в форме, а на дорожке были припаркованы полицейские фургоны.

Экспертов, которые должны были работать на месте преступления, Джинни не увидела, зато у церковной стены наметилось какое-то движение. Появился, толкая тачку, хмурый немо-

лодой мужчина. Может, он сердится из-за того, что его сад разрыли? Не успела Джинни подумать об этом, как мимо нее торопливо прошла женщина лет тридцати с лишним с густыми рыжими волосами – Имоджен Смит, полицейский судмедэксперт.

Джинни не хотела вмешиваться и все же испытала зуд любопытства. Интересно, Колин и правда сам выкопал череп или к делу приложили руку Дигби или его сестра?

И чей это все-таки череп? Если только…

– Вам нельзя здесь находиться! – К ней бросился молодой полицейский.

– Приказ инспектора Стерлинг, – присоединился к нему второй.

– Прошу прощения. – Джинни, как всегда во время разговора с полицейскими, неестественно выпрямилась. Так было, сколько она себя помнила, и даже жизнь по соседству со сварливым детективом не помогла побороть страх. – Я… я звонила устроителям торжественного завтрака. Но я не собиралась задерживаться.

– Нам понадобятся ваши имя, адрес и номер телефона, – сказал полицейский, не утруждая себя ответом на ее оправдания.

Джинни продиктовала свои адрес и телефон. Услышав, что она живет в Литтл-Шоу, полицейский потемнел лицом и с угрюмым видом молча вывел ее за ленту ограждения.

Дал понять, где мое место.

Вздохнув, Джинни зашагала к своему автомобильчику, припаркованному за две улицы, на красивой, обсаженной деревьями дороге, где за густой живой изгородью притаились немногочисленные каменные коттеджи. Хотя зря они так прятались – на улице не было ни души.

Джинни остановилась и посмотрела вокруг.

А где все? Если в Литтл-Шоу происходило убийство или хотя бы вспыхивала ссора между завсегдатаями библиотеки, толпа моментально собиралась, словно из ниоткуда. Но сейчас Джинни видела только полицейских и какого-то человека, по виду корреспондента. Никто не пытался проникнуть за ленту ограждения, никто даже не стоял в саду, обсуждая происшествие.

Тишину нарушил грохот: на землю упало что-то металлическое, и кто-то выругался. Джинни обернулась. Женщина в абрикосовом не отрываясь смотрела на большой сервировочный поднос, валявшийся на земле, и на то, что некогда было фуршетными блюдами, а теперь являло собой мешанину из хлеба, лососины и превращенного в крошево печенья.

– Давайте помогу. Вы не ушиблись? – Джинни вместе с женщиной принялась подбирать с земли что-то похожее на сосиски в тесте. *Винтаж.* Джинни уже давно не видела этих маленьких кулинарных шедевров.

– Зря я возомнила, что еще могу носить подносы, как официантка. Столько всего загублено! Вот собаки-то обрадуются. – Женщина решительно принялась собирать рассыпанное. – Спасибо за помощь. Я и не думала, что кто-то еще остался.

– Я уезжаю последней.

Джинни моргнула. До этой минуты со стороны жениха ей никто даже не улыбнулся, если не считать разговора с шафером. Однако женщина, судя по всему, не удовлетворилась ответом Джинни и снова тихо выругалась.

– Я говорила Энджи… то есть детективу Стерлинг… чтобы она не делила гостей. Если уж на то пошло, надо было в первую очередь отпустить семью Грейс. Но дело в том, что мы близко дружим с ее отцом – понимаете, он тоже бывший детектив, – поэтому Аннабел упросила, чтобы их отпустили первыми. Инспектор Стерлинг думала, что поступает правильно. Я пыталась объяснить им, к чему это приведет. – Женщина печально улыбнулась. – Пора прекращать эти миротворческие потуги. Я Китти, тетя Тео. Пожала бы вам руку, но боюсь снова уронить поднос.

Китти была энергичной, как вихрь. И этот вихрь водил близкую дружбу с отцом главной следовательницы. Этот факт еще больше подчеркивал разницу между двумя семействами:

Уэсты тоже состояли в тесных отношениях с полицией, но по совершенно другим причинам. По причинам, которых Джинни не могла объяснить стоявшей перед ней женщине.

– Очень рада знакомству. Меня зовут Джинни. Я работаю вместе с младшим братом Грейс, Коннором.

– Так вы, наверное, та самая библиотекарша. – Глаза Китти округлились, и она улыбнулась. – Грейс рассказывала, как вы помогаете ее брату. Похоже, что в последний год ему улыбается удача.

– Это совершенно не моя заслуга, он замечательный молодой человек. Как и *вся его семья*.

Китти сконфуженно вздохнула.

– Боюсь, кое-кто из *моей родни* сегодня вел себя не лучшим образом. Обычно я улаживаю такие ситуации, но Спенни попал в больницу… Хотя это не оправдание.

– Тео говорил, что его дяде нездоровится. – Джинни сообразила, что мужчина в инвалидном кресле, вероятно, муж Китти, чем, возможно, и объяснялся сероватый оттенок на загорелом лице женщины. Такие тени Джинни видела в зеркале на собственном лице, когда Эрик доживал последние месяцы. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Пневмония. Но сейчас он идет на поправку. – Тут мужество изменило Китти, и она прерывисто вздохнула. – Спенни говорит: меня так просто не сломишь. Он очень хотел присутствовать на свадьбе.

– Я рада, что ему лучше. – Джинни кивнула, надеясь, что отмена торжества не скажется на выздоровлении Спенсера.

Только где он? Джинни нахмурилась.

Китти, кажется, угадала ход ее мысли:

– Не волнуйтесь, я не допущу, чтобы его загнали в эту машину. Тео отвез его домой. Они со Спенсером очень привязаны друг к другу, своих детей у нас нет, и мы оба обожаем Тео. Я уже собралась ехать за ними в своей машине, но тут из Готорн-холла привезли заказанное – я позвонила и договорилась, чтобы всю еду отвезли в ночлежку в Бейкапе, но попросила заехать в церковь, оставить что-нибудь служащим.

Джинни невольно открыла рот.

– Я сейчас как раз еду туда. Донна беспокоилась, что продукты пропадут. Мы звонили, но никто не ответил.

– Боюсь, это из-за меня. Я позвонила туда сразу, так что они, наверное, с ног сбиваются, чтобы все упаковать и привезти. Но я рада, что у Донны те же мысли. Я не очень хорошо с ней знакома, а по тому, что Аннабел мне рассказывала… ну, неважно. Как вы думаете, Донна не рассердится на меня за самоуправство? Я не хотела нарушать приличия.

– Она наверняка обрадуется, когда узнает, что торжественный завтрак пошел на благое дело.

– Вот и хорошо, – сказала Китти.

Двое полицейских прошли мимо них и забрались в машину.

– Похоже, сейчас начнут брать показания. Я лучше пойду. Хочу убедиться, что Аннабел не наговорит какой-нибудь дичи. Я люблю свою невестку, но порой она превращается в упертого ребенка, тут не поспоришь, и если я еще хоть раз услышу о проклятии… – Китти внезапно замолчала, словно пожалела о сказанном.

– Значит, вы в него не верите? – спросила Джинни, радуясь, что нашла наконец хоть одного разумного человека.

– Нет, конечно. Я вхожу в совет нескольких благотворительных организаций и постоянно езжу в Литтл-Шоу, как и многие жители Уолтон-он-Марш, и никого из нас пока еще не поразила молния, никто не окаменел.

– Это обнадеживает. – Джинни смущенно улыбнулась. Ах, если бы другие родственники Тео были как эта здравомыслящая женщина, Китти. Тут Джинни замерла, сообразив наконец, что если Китти замужем за дядей Тео, сэром Спенсером Фолкнером, то она тоже носит титул. У Джинни запылали щеки. – Прошу прощения, я живу здесь не так давно. Я не знала, кто вы.

– Боже мой. Разве плохо, что я предпочитаю такое обращение? – Китти сконфуженно вздохнула. – Аннабел роль благородной дамы далась бы куда лучше, мне до нее далеко, это правда. Но я влюбилась в моего дорогого Спенни, а значит, приходится играть по правилам.

– Как же к вам обращаться?

– Мне больше нравится Китти, но люди, кажется, привыкли звать меня леди Китти, – призналась женщина.

Полицейская машина тронулась с места.

Леди Китти нахмурилась и взглянула на часы.

– Мне пора. Была рада знакомству, Джинни. И скажите Грейс – пусть не переживает. Как только все уляжется, свадебные торжества продолжатся, и все будет еще лучше.

– Обязательно передам, – сказала Джинни, после чего простилась с леди Китти и направилась к своей машине.

Зеваки так и не объявились, и вообще жители Уолтон-он-Марш, похоже, понятия не имели о случившемся. А это позволяло надеяться, что леди Китти была права: буря быстро уляжется, и великолепная молодая чета наконец обвенчается.

Глава третья
Воскресенье, двадцать седьмое июля

– Череп? Ну и повезло же тебе! А плоть на нем осталась? Может, глазное яблоко? – Мелочь выдернула пучок сорняков, проросших у треснувшей могильной плиты. Джинсы, подвернутые на лодыжках, она дополнила белой льняной рубахой и золотистыми резиновыми ботами. День выдался жаркий, и у Мелочи раскраснелись щеки.

– Хватит говорить всякую жуть. – Джей-Эм, подстригавшая кустик розмарина, прервала работу. Семидесятилетняя Джей-Эм была старшей из четырех подруг, но, наряженная в черные брюки с широкими штанинами и в полосатую футболку, выглядела самой элегантной.

– В черепах нет ничего жуткого. Они удивительные. К тому же по черепам можно научиться рисовать лица. Я-то их годами изучала! Не говоря уже о рисовании с натуры, а я и на такие занятия ходила, – сообщила Мелочь.

– Мне всегда хотелось записаться на такое занятие. – Рядом возникла Наседка, катившая тачку с подобранным ею мусором. На Наседке была юбка в цветочек, доходившая до колен, а седые волосы скрывала широкополая шляпа. Наседка нахмурилась. – Как это мы перешли от черепа, проявившегося на свадьбе, к рисованию обнаженной натуры? Бедная Джинни, что она о нас подумает?

– Вчера при мне столько ссорились, что дружеская болтовня только радует, – заверила Джинни подруг.

Все эти женщины, как и она сама, потеряли близкого человека, и у всех у них имелись свои причины ухаживать за местным кладбищем на добровольных началах. Сад и участки больше не были заросшими, но поддерживать их в таком состоянии тоже стоило многих трудов, особенно в старой части кладбища, где больше некому было посещать могилы: никого не осталось в живых.

– Какой кошмар. – Наседка поставила тачку и вместе с Джинни стала отмывать могильную плиту. – Вчера вечером Коннор зашел забрать одежду, сказал, что бедная Грейс не выходит из комнаты и ни с кем не хочет разговаривать, даже с ним.

Одна комната в доме Наседки пустовала; несколько месяцев назад Коннор перебрался к ней, и они неплохо ужились.

– Плохо дело. – Джей-Эм поцокала языком. – Я так понимаю, Коннор какое-то время останется с матерью?

– Донна сама не своя, а Джейк чуть не бросается с кулаками на любого, кто на него взглянет, – объяснила Наседка. – Могу понять, почему Коннору надо побыть с семьей.

Подруги понимающе закивали.

– Надеюсь, Грейс и Тео справятся с этим испытанием. – Джинни вздохнула. – Бесконечные разговоры о проклятии тоже не к добру. До сих пор не понимаю, откуда эти слухи.

– Все началось, когда Уолтон-он-Марш утопил Старого Джека. – Мелочь прищурилась.

– Что? – удивились Джей-Эм и Джинни.

Наседка и Мелочь родились и выросли в Литтл-Шоу, но Джей-Эм и Джинни переехали сюда не так давно.

– Кто это – Старый Джек? – спросила Джинни.

– И как город может кого-то утопить? – поинтересовалась Джей-Эм.

– Старый Джек – это не человек. – Наседка потеребила влажную тряпку, которую держала в руках. – Здесь было несколько маленьких ферм, они все вместе назывались Джексон-Фолд. Фермы не особенно процветали, и, если верить слухам, когда какой-то делец предложил купить

их, владельцы взяли деньги. Однако новому хозяину эти участки потребовались только для того, чтобы перенаправить приток реки.

– В каком смысле – перенаправить? – Джей-Эм нахмурилась.

– Она хочет сказать, что новые владельцы затопили этот участок, прорыли канал Уолтон-он-Марш, и теперь у мельниц не было недостатка в воде. Дело было в тысяча восемьсот тридцатом, – пояснила Мелочь. – Людей как будто принесли в жертву. Удивительно, что они провернули все это не на Белтейн[3].

Наседка вздохнула.

– Сельскому хозяйству в наших краях пришел конец, но это еще не все. Фабрики в Литтл-Шоу не смогли соперничать с соседскими; многие рабочие и промышленники перебрались в Уолтон-он-Марш. Догадайся, кому принадлежала самая большая фабрика. Джозефу Фолкнеру.

Джинни пробрал озноб: ей вспомнились величавое выражение на лице Аннабел Фолкнер и ужас, который испытал главный шафер, узнав о брачном выборе Тео. Вот и объяснение вражде между двумя городками. Литтл-Шоу походил на чудесное местечко с видовой открытки, но старые фабрики лежали в развалинах, а в районах вокруг них царила откровенная бедность, зато история Уолтон-он-Марш сверкала, как только что отчеканенный фунт. Еще эта история объясняла, откуда взялся титул баронета.

Джей-Эм фыркнула и выпрямилась.

– Терпеть не могу снобов. Что сказали полицейские? Ты кого-нибудь узнала?

Джинни покачала головой.

– Нет. Там были следовательница по фамилии Стерлинг и полицейские – все незнакомые. Но я видела нового судмедэксперта, Имоджен Смит. Стерлинг сказала, что с нами кто-нибудь свяжется, чтобы взять показания. Я так понимаю, это какое-то нераскрытое убийство и все может растянуться на несколько дней. Неизвестно же, насколько полицейские сейчас заняты.

– Это если *ты* думаешь, что там нераскрытое убийство, – сказала Джей-Эм. – Странно, по-моему, что собака раскопала череп. А вдруг кто-нибудь специально зарыл его там, чтобы сорвать свадьбу?

– Например, бывшая подружка Тео, которая там рыдала? – Мелочь бросила выдергивать сорняки и округлила глаза. – Я сразу-то не подумала, но звучит логично.

– Какой ужас! – Наседка нахмурилась. – Но не хотела же она испортить Грейс такой торжественный день.

– Тогда зачем вырядилась в красное платье и черную вуаль? Хуже было бы, только если бы она явилась в белых кружевах, – отрезала Джей-Эм. – Судя по тому, что рассказывает Джинни, это мог сделать кто угодно со стороны жениха.

– Они не все такие. Когда я уже уезжала, то познакомилась с Китти – то есть с леди Китти, – и она замечательная.

И Джинни рассказала о том, как они не дали торжественному завтраку пропасть и какую роль баронесса сыграла в перераспределении продуктов.

Наседка кивнула.

– Я уже несколько лет вижу ее на разных благотворительных вечерах и ярмарках. Она даже как-то приезжала в Литтл-Шоу. Очень рассудительная женщина.

– Жаль, что мать Тео ничему у нее не научилась. – Джей-Эм стащила садовые перчатки и потерла подбородок. – Уоллес говорит, что совпадений не бывает.

---

[3] Кельтский праздник начала лета, обычно празднуется в ночь на 1 мая, в христианские времена частично был вытеснен Пасхой и Вальпургиевой ночью.

А еще Уоллес говорит, что гражданским стоит предоставить расследование убийства полицейским. И Джинни подозревала, что инспектор Стерлинг, судя по ледяному выражению лица, согласна со своим коллегой из Литтл-Шоу.

Именно поэтому Джинни изо всех сил старалась *не думать* об этом, хотя и не рассчитывала, что подруги с ней согласятся.

От необходимости отвечать ее избавил писк: будильник в телефоне Наседки возвестил, что пора заканчивать, и подруги, не упоминая больше о черепе, простились, пообещав друг другу, что увидятся на еженедельных занятиях фитнесом, куда Джинни записала всю компанию.

Группа называлась «В старость с новыми силами», и первое занятие состоялось в прошлый четверг. Название группы не сильно вдохновило Джинни, но она пообещала себе восстановить форму. Джей-Эм регулярно посещала бассейн, а Мелочь играла в английскую лапту; обе по сравнению с подругами выглядели весьма спортивными, но тоже согласились ходить на фитнес, как и Наседка. Вдруг следующее занятие окажется получше?

Ехать до Миддл-коттеджа, который стал ее домом, было недалеко. Этот домик на две семьи Джинни с Эриком купили, собираясь уйти на пенсию, уехать из Бристоля и поселиться в Литтл-Шоу, но Эрик скоропостижно умер, и Джинни пришлось обживать Миддл-коттедж одной.

Когда она вылезла из машины, со стороны соседского дома донеслось пронзительное мяуканье. Дом Уоллеса являл собой отражение ее собственного дома: сложен из того же неяркого желтого кирпича, а земли как раз хватает для садика и подъездной дорожки.

На припаркованном перед соседским домом белом электромобиле повадился спать Эдгар, тощий кот, которого Джинни приютила почти год назад. Черная шерсть искрилась под полуденным солнцем, а янтарные глаза смотрели на Джинни с таким равнодушием, будто кот никогда ее раньше не видел.

К этому, в общем, и сводились отношения между Джинни и Эдгаром, но она все равно его любила.

– Если бы Уоллес был дома, ты бы не посмел спать на его машине, – заметила Джинни.

Кот медленно прошел по капоту, грациозно перепрыгнул ограду и боднул ее в ногу, словно удивляясь, почему она до сих пор не открыла дверь.

– Считаешь, что прислугу надо держать в строгости?

Эдгар шмыгнул мимо – наверняка прямиком к миске. Джинни вошла следом. Она не стала напоминать коту, что специально для него устроен удобнейший кошачий лаз в задней двери.

– Миссис Коул?

Судя по выговору, ее звал уроженец Глазго. Обернувшись, Джинни увидела, что по дорожке идет констебль Анита Сингх – миниатюрная, с длинными темными волосами, которые достались ей в наследство от индийских предков. Следом за ней тащился констебль Бент.

– Надеюсь, мы вам не помешали. Мы насчет вчерашнего. Надо взять показания.

– Да-да, конечно, – отозвалась Джинни, радуясь, что к ней не прислали служаку с каменным лицом, но все же при виде полицейской машины пульс у нее подскочил. – Может быть, чаю?

– Я бы прикончил чашечку, – сказал констебль Бент, но Анита метнула на него такой взгляд, что молодой полицейский закашлялся. – То есть, я хотел сказать, с удовольствием. Если только вы сами собираетесь пить чай.

– Собираюсь.

Джинни усадила полицейских за деревянный стол и вернулась на кухню. Включив чайник, она поставила на поднос блюдца и чашки, молочник и большую тарелку с печеньем, после чего насыпала в чайничек заварку и стала ждать, когда вода закипит.

– Эх и хорошо. – Констебль Бент отпил чая и расправил плечи. – Стерлинг нас гоняет как собак.

– Могу себе представить. Гостей в церкви было порядочно, и сделать предстоит много. Наверное, поэтому она и попросила вашей помощи?

Анита кивнула:

– Да. Хотя видно было, как ей этого не хочется. Она не скрывала, что думает о Литтл-Шоу, поэтому и разрешила нам взять показания только у семьи и друзей Грейс, а ее полицейские занимаются всем остальным. Может, боится, что мы тут читаем по слогам.

– Боже мой. – Джинни старалась ни о ком не думать плохо, но у нее осталось впечатление, что детектива нимало не интересовали те скамьи церкви, на которых сидели Грейс и ее близкие. – Как там Грейс?

Полицейские переглянулись, и Анита тихо вздохнула:

– Не очень. Она сейчас с матерью, но видно, что они ссорятся. Бедная, застряла там. Мне ее так жалко.

– А она не может вернуться к себе? Ее дом вряд ли оцеплен.

– Не оцеплен, конечно. – Констебль Бент покачал головой. – Но они с Тео Фолкнером живут вместе, а мне кажется, что она с ним еще не говорила.

Сердце Джинни снова тяжело забилось от сочувствия. Самый счастливый день Грейс обернулся катастрофой, и это казалось Джинни ужасно несправедливым.

– Удалось определить, кому принадлежал череп? Полиция выяснила, как он там оказался? – спросила она.

Констебль Бент открыл было рот, но Анита метнула на него еще один суровый взгляд.

– Прошу прощения, но мы не имеем права говорить об этом. – Она заговорщицки усмехнулась и добавила: – Я собираюсь стать следователем, недавно подала заявку на обучение, поэтому не хочу злить Стерлинг. Особенно когда Уоллеса нет на месте.

– Разумеется. Зря я об этом спросила. Из вас выйдет превосходный следователь, – быстро заверила ее Джинни. Все время, что она была знакома с Анитой, молодая женщина шла к своей мечте, и Джинни ужасно не хотелось ей в этом мешать.

– Спасибо, миссис Коул. Мы запишем ваши показания и уедем. Нам еще гору документов заполнять. – Анита быстро открыла блокнот. – Расскажите, пожалуйста, подробнее, что произошло на свадьбе.

– Сейчас.

Джинни отодвинула чашку и повиновалась. Рассказ не затянулся, и Анита, записав его, подняла глаза.

– Вы уверены, что не прикасались к черепу?

– Совершенно точно не прикасалась. Даже если бы мне и захотелось его потрогать, я уверена, что в ту же минуту у меня в ушах раздался бы гневный голос Уоллеса.

Констебль Бент выдавил улыбку.

– Да и у меня тоже. Не говорите ему, что я так сказал.

– Твоя тайна умрет вместе со мной.

Анита кивком поблагодарила Джинни. Та проводила полицейских и вернулась в дом.

Быстро прибравшись, Джинни отправила Коннору сообщение. Она надеялась, что в доме Уэстов все не так плохо, как намекал констебль Бент.

Коннор ответил почти сразу.

«Джейк вернулся около четырех утра, они с мамой поцапались, и теперь Грейс наверху, собирает вещи. К себе она возвращаться не хочет, а у Хен нет свободных комнат. Наверное, Грейс найдет что-нибудь на „Эйрбиэнби“, поживет одна, придет в себя».

Боже мой.

Джинни отлично понимала, какое ужасное потрясение переживает сейчас Грейс: пришла в себя – и осознала, что жизни, которой уже готовилась зажить, не будет. И Коннор был прав: в уютном коттедже Наседки не осталось свободного места.

Ах, если бы Джинни могла помочь.

Улучив минуту, Эдгар прошелся по кухне и снова боднул ее в ногу. Джинни подхватила его и прижалась щекой к мягкой черной шерстке. Когда она только-только подобрала его, Эдгар был тощий. С тех пор жизнь его наладилась, но в янтарных глазах все еще темнели подозрительные тени.

– У всех у нас своя боль, верно? Но мне нравится думать, что мы помогаем друг другу, – сказала Джинни коту. В ответ он вывернулся у нее из рук и потрусил к миске.

Джинни улыбнулась. За все время, что они жили бок о бок, Эдгар показал себя соседом, которого легко понять. От нее требовалось только давать ему ровно то, чего ему хотелось, и кот был доволен. А в ответ приносил в жизнь Джинни больше радости, чем она могла себе представить, после того как осталась без Эрика.

Джинни перечитала сообщение Коннора. Если Грейс требуется прийти в себя, то ей лучше оказаться там, где она может расслабиться.

Например, в Миддл-коттедже.

Эта мысль застала Джинни врасплох, и она взглянула на стену, почти ожидая, что увидит Эрика. Вон он стоит, на красивых губах – мягкая улыбка. На глаза навернулись слезы, и Джинни схватилась за разделочный стол, чтобы унять дрожь в коленях.

У нее была свободная спальня, которая служила еще и кабинетом. Правда, Джинни пользовалась ею не слишком часто, предпочитая сидеть с компьютером на кухне. Это потому, что там модем ближе, убеждала она себя. Но правда заключалась в том, что спустя год Джинни все еще думала об этой комнате как о кабинете Эрика, хотя мужу так и не довелось пожить в Миддл-коттедже.

Может, я поэтому и хочу пригласить сюда Грейс? Чтобы помочь ей… и самой себе?

Да, это был бы поступок, достойный Эрика. Муж Джинни не желал мириться с человеческим страданием; потому-то он и стал таким хорошим врачом.

Ощутив внутреннее тепло, Джинни отвернулась от стены. Она уже научилась не ждать ответов от Эрика, но мысли о муже наполняли ее спокойствием. Проглотив комок в горле, Джинни взяла телефон.

«У меня есть свободная комната. Если Грейс захочет пожить у меня – пусть приезжает».

Глава четвертая
Понедельник, двадцать восьмое июля

– Надеюсь, я вас не разбудила? – сказала Джинни, когда Грейс утром вошла на кухню. Волосы молодой женщины были скручены на макушке в небрежный пучок, а фиолетовые полукружья под глазами выдавали, что спала она неважно. Грейс приехала накануне поздно вечером настолько измотанной, что Джинни лишь показала ей дом и оставила устраиваться в свободной комнате.

– Нет, что вы. Я рано встаю. – Грейс остановилась на пороге, стиснув пальцы, словно чтобы скрыть нервозность. Она покрутила левым запястьем, и блестящий сапфир в помолвочном кольце поймал свет раннего утра. Джинни невольно взглянула на собственные пальцы.

Они с Эриком обошлись без помолвочного кольца, однако простенькое обручальное, золотое – то, которое Эрик надел ей на палец много лет назад, – она еще носила. Обручальное кольцо Эрика хранилось в спальне, в ящике комода. Прогнав воспоминания, Джинни заставила себя улыбнуться и, налив кипятку в заварочный чайник, жестом пригласила Грейс к столу.

– Тогда мы прекрасно уживемся. А теперь садитесь, пожалуйста, и я принесу вам чай.

– Не обязательно за мной ухаживать, что вы!

– Ничего я не ухаживаю. Я каждое утро пью чай и всегда завариваю слишком много.

– Спасибо, Джинни. Понимаете, я обычно не сижу без дела. – Грейс быстро окинула кухню взглядом, словно в надежде найти потерявшегося малыша, которому надо помочь. – Если вам что-то нужно, я с удовольствием сделаю.

– Вот спасибо. – Джинни поставила на поднос все необходимое и отнесла его на стол. Ей не хотелось говорить Грейс, что в доме у нее ни пятнышка, потому что она тоже не любит сидеть без дела. – Может быть, у вас получится отдохнуть. Кстати! Я отложила для вас кое-какие книги и старые фильмы и еще записала пароль от интернета. Коннор уверяет меня, что фильмы на дисках никто больше не смотрит, так что если вы думаете, что это глупость, то не обращайте на них внимания. И обязательно посидите в саду. По-моему, день будет замечательный.

– Извините. – Лицо Грейс сморщилось, и она тихо всхлипнула.

У Джинни сжалось сердце. Она потянулась было обнять девушку, но Грейс обхватила себя руками за плечи, словно не желая, чтобы к ней прикасались.

– Я совсем не хотела вас расстроить! – Джинни повела ее к стулу.

– Не в этом дело. – Грейс нашарила салфетку и вытерла слезы. – Вы, наверное, считаете меня невежей. Но вы такая хорошая, мне тяжело думать, что Коннор уговорил вас пустить меня пожить. Вдруг вам это тяжело.

– Чепуха! Коннор тут ни при чем, это была моя идея. И… – Джинни прерывисто вздохнула. – Я очень рада. Обычно в доме только я и кот.

Эдгар в кои-то веки присоединился к ним; несколько мгновений он изучал Грейс и, решив, что ему ничто не угрожает, вспрыгнул к ней на колени. На лице девушки появилась невольная улыбка: черный кот пристроился спать.

– Сп-пасибо. И честное слово, я всего на пару недель. Семья, на которую я работаю, вчера улетела в отпуск, но когда они вернутся, я смогу перебраться к ним. Я у них и жила, пока мы с Тео не съехались…

Грейс внезапно замолчала, и ее большие темные глаза наполнились болью. У Джинни заболело сердце. Ах, если бы она могла как-то помочь! Но все, что ей приходило в голову, – это изобрести машину времени и не дать Колину выкопать череп. Ничего разумнее Джинни придумать не могла и потому просто разлила чай по чашкам.

– Вот. Чай, может быть, положения не исправит, но хуже от него точно не будет.

На длинных темных ресницах Грейс заблестели слезы.

– Спасибо.

– Надейтесь, не сдавайтесь. – У Джинни вдруг у самой пересохло в горле. – У вас нет никаких новостей от полиции?

– Анита оставила голосовое сообщение, но я не могу заставить себя послушать его. Какой смысл?

– Как это – какой смысл? – Джинни подалась вперед.

– Я люблю Тео и знаю, что он любит меня, – застенчиво прибавила Грейс. – Но он и семью свою любит. Он не признается, но ему тяжело, что его родственники настроены против меня. А теперь еще и это… Случай в церкви – это знак не только им. Это и мне знак. Я им не подхожу. Никогда не подходила и подходить не буду.

– Я уверена, что все не так. Леди Китти говорила мне, что очень рада этой свадьбе, и ее муж тоже рад.

– Леди Китти и сэр Спенсер всегда меня принимали. Но что толку? Аннабел своего мнения не изменит. Особенно после случившегося. – Грейс откинулась на спинку, и на ее лице появилось выражение отчаяния.

Джинни хотелось что-нибудь сказать. Пообещать Грейс, что все будет хорошо. Но желание отнюдь не добавляло ей уверенности.

Джинни встала и ободряюще улыбнулась Грейс.

– Мне пора на работу, но вы постарайтесь не отчаиваться. Когда мы устали и подавлены, то готовы ждать худшего. Но когда шок пройдет, положение, может быть, покажется не таким плохим.

– Может быть, – согласилась Грейс, хоть и без особой уверенности в голосе. И все же Джинни лучше многих знала, что даже самая острая боль со временем становится легче.

Она перемыла тарелки после завтрака, оделась и попрощалась с Грейс. Молодая няня уже отыскала веник и теперь подметала кухню. Джинни взяла сумку, вышла – и чуть не столкнулась с Коннором.

Когда они только познакомились, молодой человек обожал рядиться во все черное, но бросил эту привычку. Сегодня на нем была белая футболка и синие джинсы, а в руках он держал большую жестянку с печеньем.

– Здрасте, миссис Си. Все нормально? Я хотел заглянуть к Грейс до работы.

– Заходи. Она на кухне. Может, побудешь с ней час-другой, а я открою библиотеку? – предложила Джинни, и ее взгляд упал на банку. – Испек печенье? Какой молодец. Ей понравится, я уверена.

– Это вы так думаете. А Грейс все еще помнит, как я однажды насыпал в блины соль вместо сахара. К тому же вряд ли она поверит, что это моих рук дело. – Коннор наморщил нос, опустил банку и снял крышку, демонстрируя Джинни содержимое.

– Что ты хочешь этим сказать? Что ты его купил? – Джинни разглядывала содержавшийся в банке аппетитный кекс с сухофруктами с блестящей глазурью. Ноздри защекотал теплый запах корицы, сахара и масла.

– Не. Когда я пришел, банка стояла у вас на крыльце. Наверное, кто-то принес.

– Принес? Но зачем? – с любопытством спросила Джинни. Недавно ей пришлось иметь дело с хитро устроенной иерархией местных пекарей, и она усвоила, что надо крепко подумать, прежде чем принимать кексы. Как бы упоительно они ни пахли.

– Не знаю. Наверное, хотел убедиться, что с Грейс все в порядке. Одна из дурацких традиций Литтл-Шоу. С субботнего вечера люди столько всего принесли к маминому дому! Джейк в восторге.

Джинни охотно верила, что жители Литтл-Шоу искренне хотят подбодрить Грейс. Эта традиция вовсе не казалась ей дурацкой, но она не понимала, почему кекс оказался именно на ее пороге.

– А как люди узнали, что она здесь?

– Как здешние вообще узнают новости? – Коннор пожал плечами и с любопытством взглянул на нее. – Вы правда не против, если я чуток опоздаю? Я подумал: может, Грейс придет в себя, если я с ней посижу? После того, что ей устроили мама, Джейк и бабуля, она совсем увяла.

– Конечно. – Джинни придержала дверь, давая Коннору пройти. – Оставайся сколько нужно.

Он кивнул и вошел, а Джинни весь недлинный путь до библиотеки размышляла о том, как Эдгар отнесется к тому, что в доме становится все многолюднее.

Глава пятая
Вторник, тридцать первое июля

– Я ее достал! – В библиотеку, размахивая газетой, ворвался Уильям, один из самых ревностных читателей. Уильяму было за восемьдесят, и его круглое лицо сейчас блестело от пота. Лето выдалось жаркое.

Джинни, встревоженная цветом лица Уильяма, вскочила, однако ее отпихнула Клео, давно уже работавшая в библиотеке на общественных началах.

– И что там? – Глаза Клео блестели от любопытства.

– Есть новости? – присоединилась к ней Андреа, еще одна волонтерша.

– Череп идентифицировали! – объявил Уильям, взмахнув газетой. В библиотеке воцарилась тишина, и недружные ряды постоянных читателей придвинулись ближе.

Джинни их понимала. Свадьбу Грейс отменили пять дней назад, и с тех пор новостей не было. Этим, а также солнечной погодой и объяснялся тот факт, что в библиотеке стояло затишье. Обычно если в Литтл-Шоу что-нибудь случалось, жители набивались сюда – обменяться слухами, новостями и версиями. В понедельник так оно и было, но когда стало ясно, что ни Джинни, ни Коннор не скажут ничего нового, толпа поредела. Хотя люди продолжали оставлять приношения на крыльце Джинни. Главным образом это были вкуснейшие кексы, которые они с Грейс делили по настоянию последней.

Ситуация казалась безнадежной. Джинни оставалось только уповать на фитнес, чтобы не потерять форму окончательно.

Еще там были несколько ваучеров на посещение парикмахерской, маникюрного салона и массажа, а также горы букетов.

Грейс ценила эти знаки поддержки, однако в больших глазах девушки застыло испуганное выражение, и она по большей части сидела наверху, в свободной комнате, без конца тревожась, что занимает в доме Джинни слишком много места. Джинни ничего больше не оставалось, как заваривать чай и приносить Грейс книги – ее любимое фэнтези.

– Боже мой, Уильям! Рассказывайте, не томите. – Клео попыталась выхватить у него газету, но Уильям, подняв свой трофей повыше, прошествовал к стойке выдачи и, отдуваясь, остановился.

Джинни подтащила ему стул.

– Ладно, только сначала дайте отдышаться. – Уильям опустился на стул и стал обмахивать лицо.

– На вот, приятель. Мы не хотим, чтобы ты откинул копыта до того, как сообщишь о своем великом открытии. – Из глубин библиотеки появился со стаканом воды Худяга, который с недавних пор волонтерствовал здесь под руководством Джинни. Он отдал стакан Уильяму и улыбнулся Клео, продемонстрировав щербину на месте трех зубов. – По-моему, всем бы отодвинуться назад, чтобы ему дышалось посвободнее, но я не уверен, что меня послушают.

– Давайте я. Тут главное – мастерство. Смотрите. – Клео бросила попытки заполучить газету и повернулась к небольшой толпе. – Всем отступить на два шага. Дайте бедному Уильяму больше воздуха. – Ее интонации посрамили бы даже сержанта.

– Да, дайте ему побольше воздуха, – присоединилась к ней Андреа, и обе женщины нежно взглянули на Худягу, который вытирал руки о джинсы.

Джинни не могла взять в толк, как ему удалось так быстро расположить к себе колючую Клео и всех прочих волонтеров и постоянных посетителей библиотеки. Худяге, вечно всклокоченному, со свисавшим над тощими ножками пузом, было под шестьдесят. Костяшки пальцев у него были покрыты татуировками, бóльшую часть которых он набил в тюрьме.

Джинни познакомилась с ним, расследуя убийство владельца местного магазина для рукоделия, и Худяга, несмотря на свое богатое уголовное прошлое, стал одним из ее самых верных помощников.

Еще Джинни не могла понять, где Уильям взял газету. Еженедельник Литтл-Шоу никак не упоминал о черепе. Заголовок на первой полосе извещал об открытии нового парикмахерского салона и распродаже ароматических свечей, отводящих порчу и проклятие. В центральных газетах тоже ничего не было.

Джинни хотела подобраться поближе, чтобы разглядеть название газеты, но оно было скрыто под надежной рукой Уильяма.

– Это «Уолтон-он-Марш Газетт», – почти с почтением в голосе произнесла Клео.

По библиотеке прокатился тихий гул, и толпа снова попыталась сомкнуться вокруг Уильяма.

– Они отказываются доставлять газеты в Литтл-Шоу, – объяснила Андреа и пристально взглянула на Уильяма. – Откуда она у вас?

– Да какая разница! Пусть старина расскажет, что там пишут про череп. Может, пригодится мне для книги. – Худяга извлек из заднего кармана блокнот и послюнил огрызок карандаша, появившийся из того же кармана.

Поначалу он признавался, что не любитель читать, но стоило ему рассказать завсегдатаям библиотеки несколько забавных случаев из своей прошлой жизни, как его убедили записать эти истории. Правда, Худяга еще сам не до конца знал, что он пишет: мемуары, роман или… пособие.

– Тут тебе, Худяга, повезло, потому что это череп Лесли Чарлтон – сам понимаешь, что это значит…

Толпа снова единодушно ахнула, а Уильям взмахнул рукой, словно дирижировал хором.

– Возмутительно! Почему первой об этом написала «Уолтон-он-Марш Газетт»? – Клео обиженно фыркнула. – Вчера я говорила с нашим редактором, и она сказала, что полиция отказывается даже отвечать на ее звонки. А своей газете они, значит, предоставили эксклюзивную информацию.

– Вот уж точно – соль на рану, – проворчала Андреа.

Кое-кто из постоянных посетителей принялся обсуждать масштабы коррупции, из-за которой они узнали новость позже всех.

Худяга совершенно спокойно вынул газету из рук Уильяма и разложил ее на стойке.

– Посмотрим, что тут пишут, – сказал он и подвинул газету так, чтобы Джинни было видно.

В отличие от местной газеты, чья первая полоса обычно изобиловала каламбурами и восклицательными знаками, «Уолтон-он-Марш Газетт» сохраняла более серьезный тон.

Убийство Лесли Чарлтон: следствие обнаружило недостающую деталь

Шесть дней назад в церкви Святого Луки был найден череп, и эта находка позволяет поставить точку в деле двадцатилетней давности – загадке Лесли Чарлтон. Инспектор уголовного розыска Энжела Стерлинг подтвердила, что череп идентифицировали с помощью зубной карты, а образцы почвы показали, что его поместили туда незадолго до обнаружения. Первичный осмотр подтвердил предположение о травме, нанесенной тупым предметом.

«Убийство Чарлтон долгое время оставалось пятном на истории нашего прекрасного города, поэтому, несмотря на всю мрачность этой находки, мы рады закончить наконец эту главу», – сказала Стерлинг.

Об исчезновении учительницы истории заявили 5 апреля 2005 года. Три дня спустя муж Лесли, Терренс Чарлтон, покончил с собой. Самоубийство произошло в доме Чарлтонов. Рядом с трупом был обнаружен молоток, испачканный кровью Лесли, а также признание в совершении преступления.

Леденящая душу находка породила в городе волнения, вызванные мыслью о том, что уважаемый член церковной общины, Терренс, оказался способным на столь чудовищное преступление. Но поскольку тела так и не обнаружили, многие местные жители сочли, что Лесли Чарлтон убила мужа и инсценировала собственное исчезновение. Именно этой версии придерживалась до самой своей смерти покойная сестра Терренса, Джилл:

«Мы пытались по-доброму принять Лесли в нашу семью, но в ней всегда было что-то отталкивающее. К сожалению, моему брату пришлось самому в этом убедиться, и за это знание он заплатил самую высокую цену».

Однако от этой версии окончательно отказались через пять лет после исчезновения Лесли, когда были обнаружены человеческие кости. Экспертиза подтвердила, что это кости Лесли. Место находки было тщательно обыскано, но череп так и не нашли.

Дальнейших комментариев Стерлинг не дала, ограничившись словами о том, что улика вполне устраивает штаб коронера и что дело закрыто. Пришла пора исцеления. Нашему обществу выпали тяжелые испытания, мы должны сплотиться и очистить себя от последствий проклятия, которое так долго висело над нами.

– Не хотят же они и в самом деле свести все к проклятию? – Джинни повернулась к Худяге, который торопливо царапал что-то в записной книжке.

– Разве не хотят? – Клео, все еще сердитая, прервала свой разговор с Андреа. – Они же обвиняют во всем жертву. Потворствование убийце.

– Лесли родом из Литтл-Шоу. – Худяга дописал и наконец поднял голову. – Очень приятная была женщина. Слишком хороша для таких, как я, но доброжелательная.

– Пока не вышла замуж за Терренса Чарлтона и не переехала в Уолтон-он-Марш, – вмешался Уильям, которому явно хотелось восстановить авторитет человека, принесшего новость. – Мы ее после этого больше не видели. Единственный ребенок, понимаете. Преподавала историю в *их* школе. Когда она пропала без вести, а мужа обнаружили мертвым, жители Уолтон-он-Марш пытались доказать, что это дело рук Лесли, просто потому, что она из Литтл-Шоу. Клео права. Притворствование убийцы.

– Потворствование, а не притворствование, – поправила Андреа.

– Я именно так и сказал. – Уильям упрямо насупился.

В голове Джинни роилось множество вопросов, но задать их она не успела: открылась дверь, и в библиотеку вошел Гарольд Роу.

Гарольд, разменявший восьмой десяток, был, несмотря на жару, одет в безупречно отутюженные синие брюки и синюю рубашку с галстуком. Одно время Джинни работала в библиотеке под его началом, но потом Гарольда избрали председателем совета Литтл-Шоу. А значит, он все равно оставался ее начальником, только теперь они общались не каждый день. Джинни, однако, осталась в дружеских отношениях и с Гарольдом, и с его обходительным двоюродным братом Майлзом, который вошел следом.

При их появлении небольшая толпа немедленно раздалась в стороны.

Уильям рванул к себе свою драгоценную газету и не без усилий поднялся.

– Уже пора? Мне надо зайти к Эсме и Элси, показать им статью. Да, и к Роуз. Надо же, сколько у меня сегодня дел! И не беспокойтесь, заказанные книги я заберу завтра. – Он помахал рукой и торопливо удалился под жаркое солнце.

За ним вскорости последовали прочие завсегдатаи, а Клео и Андреа скрылись в глубинах библиотеки, утащив за собой Худягу.

– Я так понимаю, вы уже знаете про Лесли Чарлтон. – Гарольд оглядел опустевший зал.

– Да. В нашей газете о ней не писали, но Уильям принес «Уолтон-он-Марш Газетт», – объяснила Джинни. – Ужасно грустно. Вы хорошо знали Лесли?

– Наши пути несколько раз пересекались, я приглашал ее присоединиться к историческому обществу, но она отказалась. Наверное, все же хорошо, что она не принесла с собой проклятие. – Гарольд сложил руки на груди. На его лице читалось напряжение.

– Ну уж вы-то! – Джинни вскинула брови. Она была уверена, что Гарольд не поддерживает местных раздоров и не верит в деревенские проклятия. Она, видимо, не сумела скрыть, о чем думает, и Майлз, который так до конца и не избавился от французского акцента, смущенно улыбнулся.

– *Oui…* Боюсь, мой обычно деликатный брат бывает слегка суеверным, когда дело касается соседнего городка.

– У меня есть на то причины, – резко ответил Гарольд. – Тот факт, что полиция отказалась сделать заявление нашей газете, говорит сам за себя. А председательница их муниципального совета не удостоила меня звонком хотя бы из вежливости. И вы обратили внимание: никто даже не пишет о поминальной службе в честь бедной Лесли? Не сомневаюсь, что они так и оставили тело на Баундери-роуд. Совет Уолтон-он-Марш наверняка скажет, что он тут ни при чем.

– Я уверен, что ничего подобного они не сделают. – Майлз успокаивающе обхватил брата за прямые плечи. – Даже если у Лесли не осталось родных, оба города все равно с облегчением подведут черту под этой ужасной смертью. А Грейс сможет снова начать готовиться к свадьбе, не опасаясь пересудов у себя за спиной.

– Хм-м. – Гарольд нахмурился и оглядел почти пустую библиотеку, после чего несколько просветлел и откашлялся. – Но мы пришли по другому поводу. Я получил ваше письмо насчет отгула для Коннора. Майлз напомнил мне, что в последнее время вы брали выходной по пятницам, так что я могу вас подменить.

– Большое спасибо, – сказала Джинни, пытаясь сдержать улыбку при виде страдальческого выражения на лице Гарольда. Ему, блестящему архивариусу и историку, не слишком давалось общение с людьми, так что ясно было, кому принадлежит эта идея. – Но я совсем не против выйти завтра на работу.

И она не кривила душой. Коннор, который в настоящее время расставлял по стеллажам справочники, хотел отпроситься на завтра, чтобы свозить Грейс в ее квартиру, забрать кое-какие вещи. Джинни сразу же отпустила его, в надежде, что эта поездка даст его сестре возможность поговорить с женихом.

– А мы против, – сказал Майлз. – Литтл-Шоу меньше всего нужно, чтобы руководительница библиотеки выгорела. К тому же, подозреваю, Гарольд существеннее продвинется в своей работе здесь, чем в кабинете председателя.

– Майлз прав, так что все решено. – Гарольд уверенно кивнул, после чего достал из кармана нежно-голубой конверт и протянул его Джинни. – Еще мы пришли, чтобы передать вам вот это.

– Ничего особенного. Просто ужин на троих в следующий вторник, – прибавил Майлз.

– Спасибо. Почту за честь.

Джинни улыбнулась. Эти двое стали ее друзьями, и она знала, что их «ничего особенного» больше похожи на пиры, достойные гурманов: Майлз обладал исключительными кули-

нарными способностями, а Гарольд отлично разбирался в винах. Джинни с благодарностью убрала чудесное приглашение – она уже предвкушала этот вечер.

– Прекрасно. – Гарольд взглянул на часы и разгладил ладонью и без того отутюженные брюки. – А теперь мне пора. На стенах бассейна появляются все новые граффити, подкомитету надо это обсудить.

Джинни проводила их до дверей и остаток дня провела, выслушивая, как Клео и Андреа критически разбирали обнаружение черепа Лесли Чарлтон со всеми, кто соглашался их слушать. Историю уже успели подхватить другие СМИ, и все они цитировали слова инспектора Стерлинг о том, что она с облегчением закрывает наконец главу, посвященную загадке длиной в двадцать лет.

Джинни не могла бы сказать точно, были тому виной бесконечные пересуды или духота библиотеки, но к тому времени, как они с Коннором запирали двери, единственное, чего ей хотелось, – это прийти домой и почитать книжку где-нибудь в тенистом уголке сада. Однако Джинни еще предстояли занятия в спортклубе. Будь ее воля, она бы никуда не пошла; потому-то ее и радовало, что подруги тоже записались на занятия, поскольку в компании не так страшно. Или хотя бы не так лениво.

Они с Коннором вышли, и Джинни крепче вцепилась в сумку, которую Эрик когда-то брал на крикет и которая теперь содержала в себе бледно-зеленые легинсы Джинни, а также длинную футболку, прикрывавшую ее округлости и выпуклости. Солнце отчаянно грело затылок, на ветерок не было и намека, а значит, приходской зал, где проходили занятия, будет раскален не хуже печки.

Шаркавший кроссовками Коннор, прочитав какое-то сообщение, резко остановился и тихо выругался.

– Все нормально?

– Не совсем. – Он с мрачным выражением взъерошил пятерней темные волосы. – Бабуля пишет: оказывается, Грейс хотела, чтобы я свозил ее на старую квартиру, потому что она расторгла помолвку с Тео.

Боже мой. Нет.

Джинни было невыносимо думать, что одно-единственное событие могло разрушить счастье молодых, которые явно любили друг друга. Душа заболела и при мысли об Эрике, но Джинни прогнала эту мысль. Им хотя бы выпали тридцать пять лет совместной жизни, а бедные Грейс и Тео были только в начале пути.

– Ужасная новость. Я могу как-то помочь?

– Вообще как бы да… – Коннор замолчал, и Джинни покрылась гусиной кожей. Она работала с ним достаточно долго, чтобы знать: парень никогда ни о чем не просит. Наконец он поднял глаза. – Бабуля хочет с вами поговорить.

– Поговорить со мной? – бессмысленно повторила Джинни и встревоженно заозиралась. Ей вдруг показалось, что Морин Уэст поджидает ее в какой-нибудь припаркованной поблизости длинной черной машине с тонированными стеклами. Но кроме детей, игравших в парке по соседству, она никого больше не углядела. Не говоря уже о печально знаменитой Морин Уэст. Все встречи Джинни и матриарха Уэстов можно было пересчитать по пальцам одной руки, и встречи эти продолжались не слишком долго.

Коннор, похоже, угадал ее мысли.

– Она дома, но хотела, чтобы я привез вас. Я на этой неделе езжу на ее машине.

– Н-но у меня фитнес. Джей-Эм, Таппенс и Хен будут ждать меня в клубе, – слабо запротестовала Джинни.

– Не, они уже дома. Бабуля хочет собрать весь детективный клуб.

– Мы не детективный клуб, – напомнила Джинни. Шутка была с бородой, но Коннор в первый раз не улыбнулся. *Боже мой.* Джинни перехватила покрепче старую сумку для крикета, не обращая внимания на тяжесть в груди.

В отличие от вежливо оформленного приглашения от Гарольда и Майлза, предложение Морин казалось Джинни не столько просьбой, сколько приказом. И судя по тому, что Коннор встревожен, ничего хорошего не предвидится.

Глава шестая
Четверг, тридцать первое июля

Морин Уэст проживала в новом квартале на окраине Литтл-Шоу, в большом доме на две семьи; ее жилище наполовину скрывал внушительный забор с камерами видеонаблюдения. У дома через дорогу торчала табличка «Продается» – раньше там жила прежняя заведующая библиотекой, Луиза Фарнсуорт, которую убили в прошлом году.

Джинни вздрогнула и отвернулась. Коннор тем временем щелкнул кнопкой пульта и подождал, когда откроются тяжелые противовзломные ворота. Наконец форд последней модели въехал на территорию. Джинни сильно удивилась, что бабушка Коннора ездит на такой машине. Может, форд принадлежит дяде Джоуи? Коннор всю дорогу молчал, и Джинни не хотелось его расспрашивать.

Парень остановил машину возле двойного гаража, и оба вылезли. Сад перед домом украшали большие грядки-короба, две яблони, а там, где когда-то росла трава, тянулась узкая клумба с полевыми цветами.

– Твоя бабушка любит покопаться в саду?

– Ага. Начала во время ковида, когда нельзя было играть в бинго.

Коннор открыл входную дверь и ввел Джинни в широкую прихожую. При виде блестящих белых плиток пола и оранжевых обоев в цветочек Джинни ахнула. На стене ярко выделялось большое зеркало в хромированной раме, а у стены расположился хромированный же узкий столик.

Откуда-то из глубин дома донеслись голоса, и Коннор повел Джинни в просторную кухню со свободной планировкой. Целая стая разноцветных птиц на обоях никак не хотела поладить с розовым холодильником и посудомойкой, а большие двойные двери вели в сад, где уже сидели подруги Джинни в самых разнообразных спортивных костюмах. Джей-Эм строчила что-то в блокноте, Мелочь теребила ножку коктейльного бокала, наполненного чем-то ядовито-розовым и снабженного коктейльным зонтиком. Наседка рядом с ней потягивала через соломинку что-то темно-синее; с края ее бокала свешивался большой цветок.

Грейс, тоже сидевшая за столом, рассеянно водила пальцем по краю своего бокала. Отсутствие большого помолвочного кольца бросалось в глаза. У Джинни снова заболело сердце – из-за Грейс и из-за того, как все переменилось за какую-то неделю.

– Мама и брат приедут? – шепотом спросила она у Коннора.

– Нет. После последней ссоры мама сказала, что ноги ее здесь больше не будет. А Джейк так и орет на каждого, кто ему на глаза попадется. Но у меня такое чувство, что завтра мы их навестим. Жду не дождусь. – Коннор вздохнул. Где-то рядом зазвонил телефон, но молодой человек не обратил на это внимания. – Давайте лучше выйдем.

Телефон продолжал звонить, и Джинни подавила желание схватить трубку. Будучи женой врача, она привыкла отвечать на любой звонок на случай, если звонящий нуждается в срочной помощи. Но сейчас она была в чужом доме и решительно двинулась следом за Коннором во внутренний двор.

Ее подруги тут же подняли головы и заулыбались.

– А, Джинни. Должна сказать, это лучше «Стариков-разбойников». – Наседка хихикнула, и Джей-Эм кивнула, соглашаясь с ней.

– Погоди, ты еще вот это не пробовала. Морин готовит обалденные коктейли. – Мелочь подняла свой уже полупустой бокал.

– Всем нужно какое-нибудь хобби. – Из садового домика появилась жилистая женщина с подносом, на котором стояли очередные бокалы с разноцветными коктейлями.

Рост пять футов два дюйма, ярко-розовые волосы и помада в тон, а может быть, привычка к ботоксу не позволяли точно определить возраст Морин Уэст. Ее наряд – спортивный костюм из ярко-зеленого велюра и серебристые кроссовки – контрастировал с оранжевыми напитками на подносе. Джинни заподозрила, что цветовое решение интерьера – идея Морин.

– Совершенно верно. Учиться никогда не поздно, – сказала Мелочь.

– Напиться тоже, – с улыбкой парировала Морин и поставила перед Джинни бокал с чем-то оранжевым. На поверхности плясали мельчайшие пузырьки, а на краю бокала блестели кристаллики сахара. – Держите.

– Спасибо, – сказала Джинни. От спиртовых паров у нее заслезились глаза.

Снова резко зазвонил телефон. Или Морин не слышала звонка, или у нее не было желания брать трубку.

– Добро пожаловать, Джинни. Люблю накатить после обеда. Омолаживающая процедура. А теперь пейте и не думайте, как будете добираться домой. Коннор сегодня за таксиста. – Морин раздала оставшиеся бокалы и села во главе стола; Коннор поместился по левую руку от нее.

Джинни с опаской взяла бокал и отпила. Ее глоток, кажется, послужил сигналом к действию: три подруги тоже подняли вновь наполненные бокалы и последовали ее примеру.

– Необычно, Морин, – кивнула Джей-Эм. – По-моему, там есть капля «Гран Марнье»?

– Да. Я считаю, что ликер придает ему крепости. – Напиток самой Морин представлял собой похожую на молоко смесь с шоколадными полосками на поверхности. Морин надолго припала к бокалу, после чего повернулась к Джинни и трем ее подругам. – А теперь к делу.

– К делу? – заговорила наконец Грейс, и ее темные глаза тревожно расширились. – Бабуля, ты о чем? Я же говорила: я не хочу, чтобы ты вмешивалась.

– А я и не… ну, не *напрямую*. Но ты зря решила, что я буду сидеть сложа руки, пока *те люди* вытирают о тебя ноги, – резко ответила Морин и повернулась к Джинни. – Вы знаете, что она расторгла помолвку?

– Бабушка! – Грейс покраснела, вскочила и, спотыкаясь, бросилась на кухню.

Коннор бросил на бабушку взгляд, говоривший: «Я предупреждал», и сказал:

– Пойду посмотрю, как она там.

– Иди, иди. И нечего на меня так смотреть. Я не собираюсь выдавать ее замуж за человека, который ей не нравится, но ты не хуже меня знаешь: она расторгла помолвку только потому, что не хотела смущать его родичей… А это уже перебор, – сурово произнесла Морин.

Коннор вздохнул и последовал в дом за сестрой.

Джинни закрыла глаза. Она не успела сказать подругам о расторгнутой помолвке, и по их лицам было видно, что они не знали, что думать. И все же она не могла винить Морин за то, что та намерена отстаивать достоинство своей внучки.

Первой заговорила Джей-Эм:

– Мне очень горько слышать эту новость, но она не объясняет, почему вы захотели поговорить с нами.

– Ну так давайте я вам растолкую. – Морин отпила из бокала. – Вы здесь потому, что вы доки по всяким задачкам. Я хочу знать, кто закопал этот хренов череп в церковном саду и испортил моей девочке такой торжественный день.

Нахмурившись, Наседка достала из сумочки местную газету.

– Но мы это уже знаем. Полиция идентифицировала череп. Это Лесли Чарлтон, а значит, Терренс зарыл его, а потом покончил с собой.

– Бред собачий. – Морин безапелляционно махнула рукой. Наседка громко сглотнула и быстро убрала газету. – Есть много мест, где череп ляжет как родной, и поповский притон в Уолтон-он-Марш к ним точно не относится. К тому же в газете сказано, что образцы почвы не совпадают. Кто-то подкинул туда этот череп.

– И совершенно не обязательно, что он оказался там из-за свадьбы. – Мелочь принялась считать по пальцам. – Череп мог закопать кто угодно – и по сотне причин. Может, кто-то нашел его и решил подыскать более достойное место упокоения? Или его подобрала птица, а потом случайно выронила. Некоторые птицы на этот счет прямо удивительные. Или… это призрак Лесли Чарлтон, который пытается предостеречь Грейс от своей собственной ошибки. Это как-то называется… что-то вроде сказки. Боже мой! Джинни, ты не знаешь, что я имею в виду?

– По-моему, ты говоришь о назидательных рассказах. – Джинни поморщилась: ей не нравилось, какой оборот принимает беседа. Она пристально посмотрела на дом, где шептались о чем-то Коннор и Грейс. Было ясно, что инициаторами этой встречи были не они.

– Да, точно. Назидательный рассказ. Напоминание о том, что может случиться, если еще одна девица из Литтл-Шоу выйдет замуж за кого-нибудь из Уолтон-он-Марш. Нет, я не намекаю, что Тео Фолкнер – убийца. Судя по тому, что Джинни мне рассказывала, он довольно милый. И Грейс, конечно, ангел. Но от проклятия же не отмахнешься.

– Я не верю в проклятия, – перебила ее Морин и обвела стол стальным взглядом, от которого температура упала на пару градусов. Даже солнце, до этого ярко светившее в небе, торопливо спряталось за тучу. – И назидательным рассказам тоже не верю.

– И правильно. – Джей-Эм кивнула, соглашаясь с хозяйкой. – Я, как юрист, всегда настоятельно рекомендую задавать вопросы и читать написанное мелким шрифтом. Или, как в этом случае… обращать внимание на детали. С какой стати череп вдруг объявился через двадцать лет именно в день бракосочетания вашей внучки?

– Спасибо, Джей-Эм. Вижу, тут мы с вами солидарны. Что-то в этом деле здорово смердит, – сказала Морин, и тут телефон зазвонил снова. – Кто-то сделал это умышленно. Я ставлю на мать.

– Аннабел Фолкнер? – вырвалось у Джинни, и Морин метнула на нее резкий взгляд. И все же, несмотря на резкие комментарии, которые Аннабел отпускала в церкви, трудно было представить, чтобы эта лощеная женщина проскользнула в сад, раскопала землю и спрятала череп, который предстояло найти Колину.

Тем более что этот череп уже засветился в одном деле об убийстве.

Джинни сглотнула. В желудке тяжело булькал алкоголь. Джинни переехала в Литтл-Шоу меньше года назад, но уже дважды успела побывать в эпицентре дел об убийстве, и у нее не было никакого желания встревать в расследование в третий раз.

Даже ради столь впечатляющей особы, каковой была Морин Уэст.

– Интересная мысль. – Джей-Эм поднялась и прошлась по дворику, словно по залу суда, хотя эффект несколько смазала ядовито-голубая коктейльная палочка, торчавшая из короткого серебристо-седого каре. – Пес разве не ее?

– Точно! – Мелочь вскочила. – К тому же на его участии настояла Аннабел Фолкнер. А я слышала, что она дружит с бывшей девушкой Тео, Джасинтой Тикстон.

– Боже мой. – Наседка потянулась за вязаньем, словно не зная, что еще поможет ей осознать услышанное. Она достала спицы, и вскоре тихое пощелкивание возвестило, что она принялась за работу. – Неужели она умышленно сорвала свадьбу собственного сына? Даже подумать страшно. Наверное, пусть лучше полиция с этим разбирается.

– Полицейские не видят дальше своего носа. Им понадобилось двадцать лет, чтобы найти все, что осталось от Лесли Чарлтон, да и то случайно. И я сомневаюсь, что они горят желанием продолжать. – Морин с такой силой поставила свой бокал, что молочное содержимое выплеснулось на стол, и пронзительно взглянула на Джинни. – Поэтому я и хочу, чтобы этим делом занялись вы. Или *я сама* им займусь. – Слова Морин еще какое-то время висели над двориком.

Соглашаться не следовало. Но Джинни, не в меру уступчивой, отказы давались нелегко. Уж лучше отправиться за бикини, а потом натянуть в ярко освещенной примерочной узкие джинсы. Однако надо было что-то ответить.

– Это дело полиции. Мы не должны вмешиваться.

Воцарилась тишина: лицо крошки-матриарха превратилось в жесткую маску.

Да уж, лучше бы я примеряла бикини. Даже безо всякого фитнеса.

– Отлично. Я сама этим займусь. Нам нужно вернуть целый склад свадебных подарков. Буду их развозить – поспрашиваю гостей. – Морин допила свой коктейль, оставивший у нее над губой еле заметные молочные усы.

Телефон зазвонил, кажется, уже в сотый раз.

Коннор вышел из кухни, сжимая в руках древний мобильник размером с кирпич. По пятам за ним следовала Грейс, придерживавшая его за руку.

– Поговори с ним, пока он что-нибудь не отмочил. – Коннор, в упор глядя на бабушку, протянул ей телефон. Будь они в кино, Джинни ожидала бы, что сейчас грянет гром или хотя бы зазвучит тревожная музыка.

Время замедлилось. Морин сжала губы, но все-таки со вздохом взяла телефон, поднесла к уху и, недолго послушав, сказала:

– Ладно, Джоуи. Без паники. Я тебе говорила, у нас все под контролем.

Джинни и ее подруги замерли.

Джоуи Уэст годами скрывался от полиции, а по обрывочным рассказам Коннора можно было судить, что с этим человеком лучше не ссориться.

– Он правда твой дядя? – прошептала Наседка Коннору, и он хмуро кивнул.

Морин принялась мерить шагами дворик.

– Ты что, решил выставить мне ультиматум? Ну посмотрим, куда тебя это приведет. А теперь прекрати свои детские истерики. У меня все под контролем, так что сиди где сидишь и не дури. Передавай привет Карле и мелким. Скажи, что бабушка Уэст скоро им позвонит.

Окончив разговор, Морин аккуратно вынула из телефона батарейку и передала ее Коннору, который исчез в доме и через несколько минут вернулся уже с пустыми руками.

У Джинни округлились глаза, а Мелочь наклонилась и взяла в руки древнее устройство.

– Это одноразовый телефон? Я как-то смотрела ролик про них. У вас старый телефон, потому что он лучше смартфона?

Морин кивнула.

– Верно. Время от времени я вытаскиваю симку, а сам телефон почти всегда держу разряженным. Неудобно, но чего не сделаешь ради семьи. – Она повернулась к внуку. – Твой дядя дает нам неделю, чтобы все уладить. Потом он сам явится.

Коннор повернулся к Грейс, и они молча обменялись кивками, после чего девушка встала и протянула бабушке руку.

– Идем, бабуля. Сварим кофе, а Коннор пока переговорит с детективным клубом.

– Чего это? Что он может им сказать такого, чего нельзя слышать его старенькой бабушке? – с вызовом спросила Морин.

Но Грейс, несмотря на тихий нрав, уставилась на старуху в упор.

– Много чего. А теперь пойдем сварим кофе, оставим их на минуту, – сказала она, и Джинни подумала, что няня из Грейс, должно быть, великолепная.

Когда они ушли, Коннор испустил длинный стон.

– Я не хотел, чтобы вас в это втягивали.

– Да, но *во что* нас пытаются втянуть? – Наседка, нахмурившись, опустила вязание. – Твои бабушка с дядей и правда думают, что кто-то подкинул череп, чтобы разорвать помолвку?

– Правда. – Он вздохнул. – Понимаете, все любят Грейс, и Джоуи тоже. Когда он услышал, что́ случилось, у него просто крышу снесло. Теперь грозится, что приедет и камня на камне тут не оставит.

– Он вернется в Англию? Но разве у него получится? Как только Джоуи сойдет с самолета, его паспорт просканируют, а его самого арестуют. – Мелочь нахмурилась.

Коннор закрыл глаза и снова вздохнул.

– Наверное, вам лучше не знать… Скажем так: в его возвращении в Англию нет ничего невозможного.

– Но даже если Джоуи сумеет проникнуть в страну незамеченным, не станет же он разбираться, что там со свадьбой. Вдруг его кто-нибудь узнает? – Наседка, в глазах которой застыла тревога, вцепилась в спицы.

– *Я* это знаю, *вы* это знаете. Но у моего дяди и моего брата много общего.

Джинни моргнула. После часа, проведенного в обществе Джейка, она уже не сомневалась, что он человек с буйным темпераментом, и странно было думать, что столь же вспыльчивым нравом обладает человек, до своего бегства контролировавший преступную империю. Потом она подумала о Конноре и Грейс, о том, сколько усилий им приходилось прилагать, чтобы не пойти по той же дорожке. Хотя у Джейка и Донны тоже, насколько Джинни было известно, проблем с законом не имелось.

Но если Джоуи Уэст вернется, какие последствия его возвращение будет иметь для семьи?

И для обоих городов?

– Чего хочет Грейс? – спросила Мелочь Коннора.

– Чтобы все прекратили ругаться, пока она соображает, что делать дальше. А чего она не хочет, так это чтобы Джоуи объявился тут и окончательно испортил ей жизнь.

– Ну и каша заварилась. – Наседка продолжила щелкать спицами. – Но Джинни права насчет полиции. Последние месяцы нас много чему научили, а полицейские и правда не хотят, чтобы гражданские вмешивались в расследование убийства.

– Это я виноват. Зову вас детективным клубом, и название, наверное, засело у бабули в голове. Я правда пытался отговорить ее, но бабулю так просто не собьешь.

Чувство вины комом встало у Джинни в горле. Она терпеть не могла подводить людей. Особенно Коннора, который никогда ни о чем не просил и который, несмотря на грубоватую манеру держаться, всегда был готов помочь всем, кто входил в двери библиотеки.

Но если они согласятся, как воспримет эту новость Уоллес? Или инспектор Стерлинг?

Хотя постойте.

Джинни выпрямилась и резко повернулась к Наседке.

– Можно еще раз взглянуть на газету?

– Конечно. – Наседка отложила спицы и зашарила в сумке в поисках газеты.

– Смотрите, какой у Джинни рот, – указала Мелочь, и Джинни поморщилась.

Какой это у меня рот? В надежде понять, в чем дело, она быстро поднесла ладонь к губам. Рот как рот.

Она хотела было запросить дополнительную информацию, но Наседка уже разложила газету.

– Значит, мы беремся за этот случай?

– Разумеется. Наш гражданский долг – помогать тем, кто нуждается в этом. – Джей-Эм подошла и заглянула в газету через плечо Наседки, после чего, нахмурившись, посмотрела на Джинни. – А… что именно мы ищем?

Даже Коннор утратил обычную уверенность, а Джинни, забыв про рот, быстро просматривала статью. Наконец она добралась до последнего абзаца.

– «Дальнейших комментариев Стерлинг не дала, ограничившись словами о том, что улика вполне устраивает штаб коронера и что дело закрыто. Пришла пора исцеления». Какая же я глупая! Полиции абсолютно все равно, займемся мы этим делом или нет. Расследование же закрыто.

– Так что вы решили? Беретесь за это дело? – Рядом материализовалась Морин Уэст с френч-прессом в руках. За ней по пятам шла Грейс с подносом, на котором стояли кружки, молочник и большой торт.

Джинни сглотнула и невольно потрогала валик на талии. Похоже, игра в детектива подразумевает немереное количество кексов и пирожных. Но тут Джинни услышала, как смеются и болтают ее подруги, и напряжение немного отпустило ее.

Она с осторожной улыбкой повернулась к Морин:

– Да. Мы ничего не обещаем, но сделаем все, что в наших силах.

Глава седьмая
Пятница, первое августа

– Можно подумать, мы чумные, – сказала Джей-Эм, когда они на следующий день шли по мощенной булыжником главной улице Уолтон-он-Марш.

Несмотря на то что ее переделали в пешеходную зону, встречные перебегали на другую сторону, словно между ними и четырьмя подругами было натянуто невидимое электрическое ограждение.

– Это потому, что мы из Литтл-Шоу, – прошептала Мелочь.

Мимо тянулись магазинчики, лавка с антикварными книгами и кулинария с такой витриной, что у Джинни чуть не потекли слюнки. Дальше подруг ожидали шляпная мастерская, парфюмерный магазин и несколько концептуальных магазинов, на вид слишком дорогих, чтобы в них заходить. Улица была уставлена переносными клумбами, в которых буйно цвели кобальтово-синие гортензии.

– Откуда они знают? – спросила Джинни, когда шедший навстречу мужчина метнулся в сторону столь поспешно, что чуть не налетел на живую рекламу. Выправившись, мужчина бросился прочь, утирая лоб, словно только что избежал какой-то ужасной участи.

– Ну мы же не в дизайнерских шмотках, как вон те женщины. – Проводив взглядом поспешно удалявшегося мужчину, Джей-Эм перенесла внимание на четырех ухоженных дамочек, стоявших перед аптекой. На всех были костюмы – похоже, что от «Шанель», – чулки и туфли на каблуках.

Надо же, сколько трудов ради пятничного утра в маленьком городке.

– Вряд ли они когда-нибудь сошьют юбку моего размера. – Наседка смущенно погладила свое свободное платье из розового льна.

– А если и сошьют, то сильно сомневаюсь, чтобы в ней было удобно. Особенно в такую погоду. – Мелочь одернула свой джинсовый сарафан.

– Очень непрактично. Но если они живут здесь, то не исключено, что смогут нам помочь. Пойду поговорю с ними, – сказала Джей-Эм и направилась к женщинам.

Однако ее приближение подействовало на них, как вой сирены. Все четыре бросились прочь с впечатляющей, с учетом каблуков, скоростью.

Джинни проводила их взглядом. До того, как они с Эриком позволили себе купить Миддл-коттедж, они посмотрели несколько вариантов в обоих городках, и ни разу Джинни не заметила даже намека на враждебность. Наоборот, они увидели только безупречно чистые улочки, благоденствующие магазины и любовно отреставрированные фабричные здания из красного кирпича, вытянувшиеся вдоль канала. Хотя после утра, проведенного под пристальными взглядами Уолтон-он-Марш, Джинни была рада, что перебралась жить в куда более гостеприимный Литтл-Шоу. К тому же на ее решение повлиял тот факт, что жить там было не так дорого.

– Об этой идее можно забыть. – Джей-Эм вернулась к подругам.

– Я думала, мы найдем хоть одного человека, который захочет поговорить с нами. – Мелочь нахмурилась. – В Литтл-Шоу люди наперебой спешат поделиться мыслями. А здесь – наперебой разбегаются.

– Может, надо было оставить Брендона дома? – Наседка, сжимавшая в руке поводок, наклонилась и погладила трусившего рядом с ней лабрадора шоколадного оттенка. Обычно он не сопровождал их во время вылазок, но Наседка опасалась, что, оставшись дома без нее или Коннора, он начнет лаять.

– Чепуха. Он может помочь. Эдгару же нравится участвовать в расследованиях, – заметила Мелочь.

Джинни не стала бы утверждать, что ее коту *нравится* участвовать в расследованиях. Но вольно или невольно он сумел помочь в расследовании убийства. Хотя, как Джинни снова и снова напоминала подругам, сейчас они расследуют не убийство. Они просто хотят выяснить, не пытался ли кто-нибудь умышленно расстроить свадьбу Грейс.

И если Брендон поможет им быстрее решить эту загадку, Джинни только скажет спасибо.

Словно поняв, что речь идет о нем, Брендон остановился и с готовностью залаял на аккуратно прополотую клумбу со сладко пахнувшими розовыми и кремовыми левкоями. Легкий ветерок шевелил лепестки цветов. Над клумбой возвышалась бронзовая статуя сэра Джозефа Фолкнера, первого баронета, а также табличка, на которой излагалась долгая история его блестящих свершений на ниве промышленности, а также его грандиозные достижения в парламенте.

– Так это по его милости Уолтон-он-Марш лопается от важности? – Джей-Эм изучала статую.

– Ага. Удивляюсь, как они его школьный табель сюда не вписали. – Мелочь дочитала подробнейший список достижений и отвернулась.

– Как хорошо, что у нас есть только статуя овцы с сорокой, – сказала Наседка, и они пошли дальше по живописной улице. Уолтон-он-Марш обрел окончательное сходство с городом-призраком. Джинни почти ждала, что по центру главной улицы пронесется перекати-поле или шериф прискачет на коне и сообщит им, что их здесь не ждали. Или того хуже – первый баронет собственной персоной слезет с постамента и замашет на них медными руками.

Наконец они дошли до двухэтажного каменного строения с аркой, которая вела во внутренний двор. Судя по широким окнам, раньше здесь размещался склад: город был обязан своим процветанием местным фабрикам. Однако это строение, как и остальные здания на главной улице, превратилось теперь в череду дорогих магазинов и офисов, а на каменной стене висела медная табличка, гласившая:

> Фабричный квартал был восстановлен благодаря щедрой поддержке Благотворительного фонда Фолкнеров, 2008 г.

Джей-Эм вытянула шею.

– Есть в этом городе хоть что-нибудь, к чему Фолкнеры не приложили руку?

– Кажется, они и правда очень щедрые люди, – признала Джинни. Подруги как раз направлялись в дальний конец дворика, где стояли восемь столиков из кованого чугуна и висела табличка «Чайный салон Уивер».

Они выбрали столик, покрытый красивой винтажной скатертью, на котором стояли фарфоровые чашки и серебрились тяжелые столовые приборы. В центре была хрустальная ваза с пионами пастельных оттенков и зелеными ветками, дополнявшими букет; на старинном фарфоре даже лежали тщательно отутюженные салфетки. Над столом, защищая его от жаркого утреннего солнца, раскинулся большой зонтик, а у ножки стола стояла миска с водой для собак.

Брендон гавкнул от удовольствия при виде то ли воды, то ли маленького терьера, который выглядывал из-под стула. Терьер бросил на Брендона один-единственный взгляд и отвернулся.

– Эта собака, что, хочет указать Брендону его место? – процедила Мелочь.

– Она еще и глаза закатила, честное слово. – Джей-Эм нахмурилась.

– Какая невоспитанность! – Наседка нагнулась и потрепала Брендона за ухом. – Зря мы, наверное, сюда пришли.

– Не все так думают. Мне нужно выпить чаю. – Царственный голос Джей-Эм разносился на весь дворик. – Морин Уэст, надо отдать ей должное, умеет смешивать коктейли.

– Да уж. К тому же нам надо подкрепиться, чтобы выработать план. – Глаза Мелочи расширились от удовольствия при виде официантки, которая вышла из дверей, держа в руках этажерку, полную маленьких сэндвичей, пирожных и печенья.

– Я бы тоже не отказалась от чашки чая, – призналась Наседка.

Джинни кивнула, хоть и без особого энтузиазма. На ней, как и на Джей-Эм, все еще сказывалось действие микстур Морин, выпитых накануне вечером. По той же причине они так и не выработали план, когда Коннор развозил их по домам. Зато подруги решили прогуляться на следующее утро по Уолтон-он-Марш и посмотреть, не обнаружат ли чего-нибудь.

Обнаружить им ничего не удалось, если только не считать зацепкой оказанный им демонстративно холодный прием.

Живописную картину слегка портила женщина средних лет, которая появилась у столика; в руках у нее был блокнот для заказов, в глазах – неизъяснимое высокомерие. Такое выражение лица она, похоже, приберегала специально для жителей Литтл-Шоу.

– Вам с собой? – спросила женщина, когда подруги сделали заказ.

– А люди всегда садятся за столик, чтобы потом забрать заказ и уйти? – Джей-Эм вскинула бровь и невинно улыбнулась. – К тому же мы никуда не спешим.

Женщина насупилась и резко отвернулась.

– Боже мой. Надеюсь, они не сделают ничего ужасного, не уронят наш заказ на пол. – Наседка обмотала поводок Брендона вокруг ножки своего стула и достала сумочку с вязаньем, которую всегда держала под рукой.

– Пусть только попробуют, я оставлю негативный отзыв в интернете. Негативный отзыв – это, знаешь ли, сильная штука. – Мелочь расстегнула розовый рюкзачок и извлекла из него записную книжку, обтянутую тканью с принтами, сделанными с рисунков Лоры Эшли, и с розовой лентой, призванной не дать книжке раскрываться.

– Какой красивый блокнот. – Наседка накидывала петли, а Мелочь развязала ленту и раскрыла книжку.

– Это не блокнот, это адресная книжка.

– Как хорошо, что ты все еще ведешь такую. Кто-то на днях сказал мне, что это «позапрошлый век». – И Джей-Эм достала из кожаной сумочки, которую носила на плече, изящную черную книжечку.

– Новое – это хорошо забытое старое, – вставила Наседка, извлекая на свет божий зеленую книжечку с вытисненными на ней золотыми цифрами.

Джинни улыбнулась и достала свою потертую от времени записную книжку.

– Прекрасно. У великих людей и мысли сходятся. – Мелочь широко улыбнулась.

– У дураков тоже, – парировала Джей-Эм и отложила свою записную книжку. – Ну и чего ради это все? Вряд ли официантка в обозримом будущем поделится своим телефоном.

– Да уж, вид у нее не особо приветливый. – Мелочь перелистнула книжку до чистой страницы. – Когда умерла мать Тарона, я нашла не одну коробку с канцелярскими запасами. Спасибо свекрови – мне потом несколько лет не нужно было ничего покупать. По-моему, из этой книжки выйдет хорошая детективная доска – никому же в голову не придет в нее заглядывать. Тут даже есть несколько старых адресов, так что она выглядит вполне законно.

Все притихли. Мелочь нечасто говорила о своем умершем десять лет назад муже.

Молчание прервала Наседка:

– Какая удачная мысль! – Щелкнули вязальные спицы. – Учитывая, что обе последние доски у нас изъяли. Нам нужно что-то, на что полицейские не обратят внимания.

– Но мы же не расследуем убийство, – напомнила Джинни. – Мы знаем, кто его совершил.

– Да, верно, – согласилась Мелочь с улыбкой, от которой у Джинни осталось отчетливо нехорошее чувство.

– Вряд ли мы тут можем строить какие-то предположения. Терренс не обязательно должен быть убийцей только потому, что так утверждает полиция. Что, если настоящий убийца все еще жив и череп подкинул именно он? – проговорила Джей-Эм, и у Джинни екнуло в желудке. Ответить она не успела: официантка, прошествовав через дворик, со стуком поставила на стол чайный поднос.

На трехэтажную этажерку с пирожными бюджет подруг не распространялся, но они заказали большую тарелку сконов, которые прибыли с ярким малиновым джемом и свежими сливками, а также два бейквеллских тарта, которые следовало разделить на четверых. Официантка поспешно удалилась, и следующие несколько минут подруги разливали чай и передавали друг другу тарелки.

Нож Джинни взрезал еще не успевший остыть скон; она намазала его джемом, сливками, а потом откусила. Скон был легким и мягким, и на языке букетом распустился насыщенный малиновый вкус.

– Изумительно. – Наседка вздохнула от удовольствия, но ее глаза тут же наполнились тревогой. – Я как будто предаю Литтл-Шоу. У нас есть несколько хороших чайных салонов, но такого нет. Он мне нравится. Это плохо?

– На соперничество мне времени жалко, – объявила Джей-Эм, намазывая скон джемом.

– Это потому, что ты родилась не здесь и тебе не приходилось вечно мириться с тем, что Уолтон-он-Марш *во всем*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.